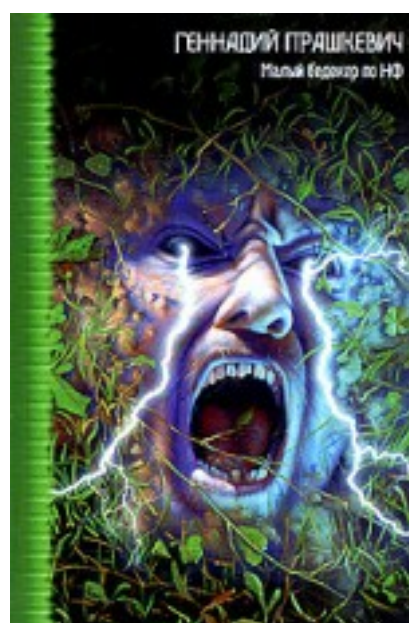

Геннадий Мартович Прашкевич
Малый бедкер по НФ, или Книга
о многих превосходных вещах

текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134882

*Малый бедкер по НФ, или Книга о многих превосходных вещах: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига;
2006*

ISBN 5-17-035132-1, 5-9713-1502-1, 5-9578-3526-9

Аннотация

Геннадий Прашкевич. Человек большого и многогранного таланта, известный и как поэт, и как переводчик, и как автор детективной, приключенческой и научно-популярной прозы, но прежде всего – один из ведущих мастеров отечественной фантастики.

В этот сборник вошли новые произведения Геннадия Прашкевича, относящиеся к совершенно разным направлениям фантастики. Ироничная, остросюжетная «Земля навывлет», жесткая, сильная «Дыша духами и туманами», тонко-пародийный «Золотой миллиард» и ироничный, забавный «Малый бедкер по НФ»!

Содержание

Часть I. КНИГИ	4
1	4
2	6
3	8
4	9
5	10
6	12
7	14
Часть II. ЛЮДИ	15
ИВАН АНТОНОВИЧ	15
1	15
2	16
3	18
4	18
5	20
6	21
7	22
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ	23
ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДНИ	26
1	26
2	27
3	28
4	29
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ	31
ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ: ВРЕМЯ	34
ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ	35
1	35
2	35
АБРАМ РУВИМОВИЧ	40
1	40
2	41
ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ	42
БОРИС ГЕДАЛЬЕВИЧ	45
1	45
2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Геннадий Прашкевич

МАЛЫЙ БЕДЕКЕР ПО НФ, или Книга о многих превосходных вещах

Часть I. КНИГИ

1

Первой книгой, которую я прочел от корки до корки, была «Цыганочка» Сервантеса («*Academia*», 1934). Не «Коза-дереза», не «Конек-горбунок», не «Маша и три медведя», весь этот доисторический извращенный модернизм, а настоящая толстая солидная книга. Мне только что стукнуло четыре года, «Цыганочке» шло далеко не первое столетие. Разница должна была сказаться.

Она и сказалась.

К тому времени я уже знал, как читают взрослые.

Нацепляют на нос очки, шевелят губами, перелистывают страницы.

Весь мир, считал я, вечерами надевает очки и при колеблющемся неровном свете читает «Цыганочку» Сервантеса. Когда зажигали керосиновую лампу (электричества в селе Абалаково еще не было), я тоже шевелил губами и важно перелистывал страницы. Буквы я уже знал и умел складывать слова, но в этой книге слова во что-то осмысленное не складывались. Не сразу, но до меня дошло: кайф настоящего чтения как раз в том, что в книге (если это *настоящая* книга) в принципе нельзя понять ни слова!

Конечно, я сомневался.

Я даже подумал, что дело в отсутствии очков.

Но все же самостоятельно допёр, что так и должно быть: *настоящая* книга ничего не дает. Она не показывает и не рассказывает. Она пишется для того, чтобы насладиться непознаваемым. Так что, в течение нескольких дней я упорно преодолевал «Цыганочку». Страница за страницей. Ее абсолютная непонятность казалась мне волшебным проломом в какой-то другой, в таинственный мир. Помните монаха, просунувшего голову в пролом небесного свода? Такая картинка часто встречалась в старых учебниках географии.

Я был тогда совсем как этот монах.

А до кондиции меня довел сосед дед Филипп.

К девяноста годам жизни он до всего дошел сам, осмеливался давать советы самому Господу, например, указывал, кого в деревне Абалаково следует поразить молнией в первую очередь. К счастью, Господь в те годы был занят расхлебыванием результатов Второй мировой войны и на деда не обращал внимания.

Понятно, деда это злило.

Он, как Робинзон Крузо, выцарапывал на стене дворового сарая каждый прожитый им день. Он прекрасно понимал, что все в этом мире преходяще и смотрел на меня, как на любимого ученика, который, может, в будущем тоже не побоится подергать Большого старика за бороду. Мои сверстники изучали мир по глобусу, а я, благодаря деду Филиппу, втайне был убежден, что земля плоская. Дед Филипп когда-то служил на флоте. В Тихом океане он видел одного из тех трех китов, на которых стоит мир. Он откровенно рассказывал, что кожа на китах шелушилась, им хотелось чесаться. Еще дед участвовал в Цусимском сражении

и сдался японцам вместе с адмиралом Рожественским. То есть, он прожил большую поучительную жизнь.

Постоянные беседы с Дедом утвердили мою веру в неизменность мира.

Дед Филипп и Сервантес – вот мои первые учителя.

2

После «Цыганочки» я прочел еще несколько настоящих книг, среди них «Вопросы ленинизма» и «Переяславскую раду».

Теперь я был умный и не искал в книгах смысла.

Если мелькало подозрительно понятное слово, я знал, что это всего лишь недоработка. Известно ведь, что отсутствие судимости не наша заслуга, это всего лишь недоработка системы. Когда мой кореш Герка Ефремов, заикаясь, предложил на выбор любую из двух найденных им у отца книг, я не раздумывая взял верхнюю.

Не имело значения, какую берешь.

Если книга настоящая, она непонятна.

Герке достался «Железный поток» А. Серафимовича, а мне «Затерянный мир» Артура Конан-Дойла. Открыв книгу дома, я с радостью убедился в присутствии сладких и совершенно непонятных слов: *биметаллизм... рупия... масонство... телегония... брахицефал...* Пожалуй, только *партеногенезис* смутно напоминал знакомое *партайнгеноссе...* Не забывайте, война только что кончилась.

И вдруг – «...*приземистая фигура появилась в освещенном квадрате двери.*»

Я как бы увидел квадратного бородатого человека. Увидел совершенно явственно. Увидел в освещенном квадрате стены.

Этого не должно было быть, но я увидел.

«...*Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль и через секунду – глухой стук упавшего тела.*»

Я ничего не мог понять.

Передо мною открылось новое окно в мир.

«...*Повыше, каждый на своем камне, восседали огромные серые самцы, похожие на иссохшие чучела.*». Ну, точно, увидел я. Совсем как директор нашей школы – злобное иссохшее существо, которое и самцом уже не назовешь! До меня вдруг дошла страсть репортера Мелоуна. Я осознал неистовство профессора Челленджера. И занудство профессора Саммерли тоже не показалось мне отвратительным.

Ну, а что касается лорда Джона Рокстона...

«*Лорд Джон Рокстон вынул из кармана небольшую коробочку из-под пилюль и показал нам великолепно играющий бриллиант, равного которому по красоте я, пожалуй, никогда не видел.*

– *Вот результаты моих трудов,* – сказал он. – *Ювелир оценил эту кучку самое меньшее в двести тысяч фунтов. Разумеется, мы поделимся поровну. Ни на что другое я не соглашусь. Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч?*

– *Если вы действительно настаиваете на своем великодушном решении,* – сказал профессор, – *то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.*

– *А вы, Саммерли?*

– *Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.*

– *А я,* – сказал лорд Джон Рокстон, – *истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вам деньги тоже нужны – ведь вы женитесь.*

– *Да нет, пока не собираюсь,* – отвечал я со скорбной улыбкой. – *Пожалуй, если вы не возражаете, я присоединюсь к вам.*

Лорд Рокстон посмотрел на меня и молча протянул свою крепкую, загорелую руку.»

Я бы тоже так сделал.

Я не собирался жениться, но я бы тоже так сделал.

Если бы эта английская сучка Глэдис представила мне (как результат выбора) серого невзрачного человечка (жениха), я бы тоже «отвечал со скорбной улыбкой». И бриллианты потратил бы на приведение в порядок своих коллекций. В коробках из-под спичек у меня лежали засохшие жуки, лоскуток засушенной лягушачьей кожи и несколько очковых стекол, их которых я собирался строить мощный телескоп.

Но главное, до меня дошло, что мир достаточно легко переворачивается.

С полной непознаваемости на полную познаваемость, скажем так. И обратно.

3

На станции Тайга, куда в начале пятидесятых переехали мои родители, мир не стал менее интересным.

Большая Медведица волшебнo лежала над низким горизонтом, весело покрикивали на путях маневровые паровозы. Один за другим тянулись чудовищной длины составы с востока на запад и с запада на восток. Хлюпающих носами, простуженных, драчливых, нас выгоняли на перрон в пионерских галстуках и в пилотках. Маршал Ворошилов, первый красный офицер, возвращаясь из Монголии в Москву, хотел приветствовать нас. Так нам обещали. Мы здорово волновались, но маршал из вагона не вышел. Потом нас опять гнали на мокрый перрон. На этот раз ехал в Монголию из Москвы другой маршал – Чойболсан.

Этот тоже не вышел.

Его везли в Монголию хоронить.

Не вышли на перрон и знаменитые слоны Рави и Шаши, когда их депортировали из Индии в Москву.

Все равно встречи запомнились.

Я писал стихи, рисовал стенгазету, пел в школьном хоре. Однажды в исцарапанной школьной парте я нашел сложенную в четверть записочку. *«Ты будущий писатель и поэт»*. Почерк был девчоночий, округлый. Эти козы всегда облизывались на людей искусства. Да и немудрено. Людей тянет к непознаваемому. Даже в дневнике А. С. Пушкина (1833, 17 декабря) я, например, нашел такое. *«В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий снарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.»*

4

В начале 50-х годов прошлого века воображение советских людей было занято двумя основными темами: Атлантидой и снежным человеком. Ну, понятно, сперва шла борьба за мир, а уж потом Атлантида и сноумены. Академик Обручев и профессор Жиров беспрерывно комментировали проблему, а академик Л. С. Берг даже прямо написал: *«Я поместил бы Атлантиду не в области между Малой Азией и Египтом, а в Эгейском море – на юг до Крита. Как известно, в настоящее время признают, что опускания, давшие начало Эгейскому морю, произошли, говоря геологически, совсем недавно, в четвертичное время, – быть может, уже на памяти человека.»* И далее: *«Платон рассказывает о войне между „греками“ (т. е. обитателями Балканского полуострова) и жителями Атлантиды. Эта война (допуская, что сведения о ней не есть плод фантазии) могла происходить только в том случае, если Атлантида находилась в непосредственной близости с Балканским полуостровом.»*

Балканы, Балканы. Кругом одни Балканы.

Понятно, я не мог пройти мимо таких актуальных тем. Тем более (я перешел в седьмой класс) в городской газете «Тайгинский рабочий» только что появился мой первый научно-фантастический рассказ «Остров туманов».

В известной библиографии Н. Мацуева после указания: *Поповский А. Дружба. Повесть. М. «Сов. пис.», 1935*, указаны всего три рецензии: *«Так называемый писатель Павловский»*, *«Жив Курилка»* и *«Еще о так называемом писателе Поповском»*. Если бы на мой рассказ откликнулись критики, боюсь, тремя рецензиями дело бы не закончилось.

К счастью, критики не откликнулись, и я один за другим написал несколько научно-фантастических романов, актуальных, как я полагал: «Под игом Атлантиды», «Горная тайна» и «Contra mundum».

Единственное, что могу сказать в оправдание, что, как это ни странно, не в столь уж далеком будущем из указанных выше набросков вышли научно-фантастические повести «Разворованное чудо», «Мир, в котором я дома» и «Шпион в юрском периоде», что условно подтверждает любимый мною тезис о том, что человек полностью проживает всю свою будущую жизнь в период где-то с пяти до пятнадцати лет.

После этого уже ничего не происходит.

Ну, может, некоторый упадок.

5

«Первым из европейцев увидеть снежного человека посчастливилось греческому путешественнику Тамбоци, – смело писал я в романе «Горная тайна». – Тамбоци увидел сноумена в районе пика Кобру, на высоте примерно в пять тысяч метров. Грека сильно поразила огромная согнутая тень, нагнувшаяся над хрупкой веточкой рододендрона, а потом быстро, с какой слинял в сторону ледяных развалов испуганный сноумен. Никогда больше, – писал я с несколько преувеличенной озабоченностью, – грек не встречал сноумена.»

Шерпы, сообщал я будущим читателям, смелый и выносливый народ.

Они живут в горах. Среди них нет ни одного, кто не имел бы пары сильных, мускулистых ног и мощной спины, привыкшей к переноске тяжестей. *«Шерп Тарке, – писал я, – брел по гладкой, как зеркало, поверхности ледника Бирун. В одном месте – (очень похожем на заснеженный пустырь за ремонтирующимся рабочим клубом имени Ленина) – шерп наткнулся на большие следы босых ног.»* Если бы нашего соседа машиниста Петрова прогнать босиком по снежному пустырю, несомненно, след остался бы не менее крупный. Понятно, шерп насторожился. *«Его крепкие руки в любой момент готовы были сорвать с плеча тяжелое заряженное ружье, выхватить из-за пояса кривой тяжелый нож кукри или схватить тяжелую ледяную глыбу, множество которых валялось вокруг.»*

Да и сам по себе шерп не был придурком. *«Я, блин, гоблин, а ты, блин, кто, блин?»* Увидев следы, он рванул подальше от опасного места, тем более, что *«...бледное гималайское небо начинало уже темнеть, скрывая в клубящихся тающих облаках заснеженную вершину тяжелого Эвереста».*

Но шерпу пошла непраха.

В узком ледяном ущелье он наткнулся на сноумена.

Скажу сразу, сноумен не был взят из головы, у него был реальный прототип в жизни. Я писал своего сноумена с некоего Паюзы – сопливого сволочонка годами двумя старше меня, с сапожным ножом за голенищем. Одежды на сноумене вообще не было (единственное отличие от Паюзы), зато морда в волосах, в синяках, зубов маловато.

И был он глух, как Бетховен.

Последняя находка меня невероятно радовала, что-то такое я слышал по радио.

Понятно, что шерп в ужасе упал на колени. *«Врожденное суеверие и страх костром вспыхнули в его гордом сердце.»*

Фраза о врожденном суеверии казалась мне безупречной.

Снежные пики, курящиеся сухим снегом склоны, небесная голубизна, пропасти, разверзающиеся под ногами, – действительно сильная красивая вещь получалась. Вроде тех клеенчатых ковриков с лебедями и русалками в сатиновых лифчиках, которые продавались на местном рынке. Сноумены (галуб-яваны, тхлох-мунги, йети), писал я, были вовсе не глупы, просто опустились из-за недоедания. Снежные Гималаи могли предложить им только голубоватую траву, про которую тогда много писал известный астроном Г. А. Тихов, а спуститься вниз, в теплые, обитаемые долины, напасть на питательных горных коз снежные люди не догадывались. А договориться с редкими путешественниками, вроде того грека Тамбоци, мешала им глухота.

Да и не люди они были, наносил я сюжетный удар будущим читателям.

Межпланетный корабль марсиан потерпел катастрофу на леднике Бирун и в живых остались только два члена экипажа. Один, изнуренный недоеданием, сразу сдался высокогорному пограничному наряду некоей азиатской страны, входящей в агрессивный военный блок СЕАТО.

Понятно, хорошо бедолаге не стало.

Взяли сноумена на болевой прием и приволокли в комендатуру, где он не выдержал допроса с пристрастием и умер.

Зато второй попал в руки советских исследователей.

Теорему Пифагора, начертанную перед ним на снегу, изголодавшийся марсианин принял с таким же восхищением, как и добрый кусок свиного сала. А потом был торжественный прием в Кремле, отправка марсианина на родину, долгие пламенные речи, ну и все такое прочее.

Через много лет на литературном семинаре в Дубултах фантаст Александр Иванович Шалимов, человек деликатный и воспитанный, действительно подтвердил, что в тридцатые годы, когда во многих районах Памира еще хозяйничали басмачи, к советским пограничным заставам иногда спускались с ледников хмурые галуб-яваны. Случалось, что они попадали в руки непреклонных чекистов. Ответить на резкие, в упор поставленные вопросы – кем подослан? на кого работаешь, падла? признаешь ли диктатуру пролетариата? – галуб-яваны, даже при некоторой их инстинктивной расположенности к новым властям, ответить не могли, потому что были глухи, как Бетховен. Ну, их и ставили к стенке. А Александр Иванович (тогда геолог) никак не успевал вовремя поспеть к месту происшествия. «Но однажды... – волнуясь, возвысил голос Александр Иванович. – Однажды... Неподалеку от нашего лагеря... Непреклонные ч-ч-чекисты... Схватили самку... Самку... Самку... – волнуясь повторял он. – Самку...»

Пришлось уважительно подсказать:

– ...басмача!

6

Мир был прекрасен.

Он был плоский, он был круглый.

По океану плавали шелушащиеся киты, на другой стороне шарика обитали антиподы. Постоянно хотелось есть, зато интересных книг хватало. Человек-невидимка упускал невидимую кошку, по Луне стреляли снарядом, начиненном людьми, по краю ойкумены бегало вонючее вымершее животное. А иногда и книжка такая прыгала с библиотечных полок.

Не без этого.

Популярный в те годы фантаст В. Немцов работал много и плодотворно.

Читая его книги, я невольно задумывался: зачем людям такая масса невыразительных слов, если существуют слова простые, сильные и выразительные?

Например, слово жопа.

Его вполне хватало для выражения самых сложных чувств, охватывающих человека в школьном коридоре или на катке, залитом на Четвертой улице.

Возвращаясь из школы, я с восхищением оглядывался на цепочку круглых белых облачков, остающихся за мною в неподвижном прокаленном сорокаградусным морозом воздухе. Ноги мерзли, хотелось жрать, как опустившемуся тхлех-мунгу, зато дома ожидала меня поразительная книжка Вильяма К. Грегори «Эволюция лица от рыбы до человека» (Биомедгиз, Москва, 1934). Она была написана так, будто В. Немцова на свете не существовало. С вклеенной под обложку таблицы смотрели на меня злобные глазки доисторической акулы, лукаво ухмылялся опоссум, похожий на провинциальную простушку, убереги ее Господь от писателей, близорукое лицо долгопята с острова Борнео тоже не блистало умом, зато привлекало придурковатостью. Наконец, нахмуренный шимпанзе, не самый близкий, но все же родственник тех несчастных красножопых гамадрилов, которых позже поставили к стенке грузинские боевики, ворвавшиеся в Сухумский заповедник.

Таблица, составленная Вильямом К. Грегори нарушила мои уже сложившиеся представления о жизни. До знакомства с монографией я считал, что в мире ничего особенного не происходит. Киты, поддерживающие плоскую землю, вечны. Глобус Кемеровской области в меру кругл. Настоящая книга бессмысленна.

Вот простые задушевные истины.

Лестница жизни сбивала меня с толку.

Ископаемая акула, ганоидная рыба, зогиринос, сеймурия, иктидописис, опоссум, лемур, шимпанзе, обезьяночеловек с острова Ява, наконец, римский атлет, триумфально завершающий эволюцию. Странно, странно. Лицо Паюзы, с которого я когда-то писал сноумена, не вписывалось в этот ряд. Паюза, как и я, жил после римского атлета, но по общему развитию стоял, скорее, между несимпатичным шимпанзе и обезьяночеловеком с острова Ява, уж точно не между римским атлетом и мной.

Холодные глаза, кустистые брови, сапожный нож за голенищем.

Отец Паюзы тянул срок в лагере под Тайшетом, кажется, за убийство, а может, за грабеж, это не имело значения. Все на Четвертой улице знали, что сам Паюза вскоре отправится к отцу. За убийство, а может, за грабеж. Это тоже не имело значения.

Однажды Паюза упал на катке.

Конечно, ему было больно, я совсем не вовремя рассмеялся.

Сразу тихо стало на шумном катке, залитом светом лампочки, распустившей на столбе пышный хвост Жар-птицы. Если раньше считалось, что Паюза просто кого-то убьет, то теперь все определилось:

Паюза убьет меня.

Конкретно.

Самые смелые даже подтянулись поближе, чтобы получше рассмотреть всю техническую сторону дела.

Но Паюза не торопился.

Он неловко поднялся с заснеженного льда.

Он сунул руку за голенище, но скорее потому, что рука замерзла.

Потом присел, вздохнул, медленно развязал ремешки самодельных коньков и молча, по-взрослому сутулясь, побрел домой. Наверное, он ударился сильнее, чем мы думали.

Я тоже, ни на кого не глядя, отмотал коньки и побрел домой.

Зима. Снег. Печальное очарование вещей. Разноцветные огни на железнодорожной линии. Запах деревянного и каменноугольного дыма.

Я понимал, что Паюза меня убьет.

Хотелось почитать что-то такое, не знаю что.

Дома, прижавшись спиной к горячему обогревателю печи, я дотянулся до книги, валявшейся на столе. Отец ремонтировал городскую библиотеку и часто приносил домой неожиданные сочинения. Это тоже выглядело неожиданным. «Происхождение видов». Мне в тот момент, конечно, интереснее было бы об исчезновении видов, но неизвестное мне сочинение выглядела добротно. За такой толстой добротной книгой, подумал я, можно отсидеться до самой весны, читать, не выходить на улицу. А к весне, с сумрачной надеждой думал я, Паюза может зарезать кого-то другого...

«Моему уму присуща какая-то роковая особенность, побуждающая меня всегда сначала предъявлять мое положение или изложение в неверной или неловкой фразе...» – прочел я, открыв «Происхождение видов».

Мысль настолько отвечала моменту, что мне захотелось увидеть автора столь совершенной формулировки.

Наверное, он похож на меня, решил я.

На пацана, смертельно боящегося сапожных ножей, спрятанных за голенищами.

Наверное, автора «Происхождения видов» тоже здорово напугали, решил я, раз он пришел к такой простой и спокойной мысли.

И откинул крышку переплета.

Паюза!

Конечно, он постарел, конечно, он полысел, стоптался, но это был Паюза, именно он, я не мог ошибиться! Не знаю, правда, где он украл такую добротную куртку, когда успел отрастить бороду, когда у него поседели брови, но это был он, он, хотя под портретом стояло -

«Дарвин».

7

Паюза и Дарвин лишили меня иллюзий.

«Не во власти человека изменить существенные условия жизни; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве. Но он может перенести животных или растений из одного климата в другой, с одной почвы на другую, он может дать им пищу, которой они не питались в своем естественном состоянии.»

Следуя этим ужасным законам, больше месяца я ходил не той дорогой, какой привык ходить, не появлялся на катке, прятался дома и обречено изучал Дарвина. За это время некие высшие силы действительно перенесли Паюзу с одной почвы на другую, дали ему пищу, которой он не питался в естественном состоянии. Паюза кого-то порезал и его отправили в исправительный лагерь под Тайшет. Отсидит, выйдет честный, несколько лицемерно сочувствовал я Паюзе. И со сладким ужасом черпал премудрость все из того же Дарвина.

«Так как все живущие формы связаны общей родословной с теми, которые жили задолго до кембрийской эпохи, то мы можем быть уверены, что общая смена поколений не была ни разу порвана и что никогда никакие катаклизмы не распространяли разрушения на весь мир. Отсюда мы можем быть спокойны за безопасное будущее на долгое время. А так как естественный отбор действует только в силу и ради блага каждого существа, то все качества, телесные и умственные, будут стремиться к совершенству.»

Падал крупный медленный снег.

Красивая женщина в ужасном пальто шла по мокрому тротуару.

Выплеснул помой на улицу машинист Петров, босая нога которого оставляла крупный след в снегу. Пацаны бежали по узкой улочке, как пингвины. Я снова хотел жить. Естественный отбор гнал меня к совершенству. Выходила тогда серия «Научно-популярная библиотека солдата», к ней я и обратился.

«Происхождение жизни на Земле (естественным путем)».

Приставка – естественным путем – меня всегда восхищала.

Много позже мой друг геохимик и писатель Саша Лапидес (Янтер) рассказал, как однажды в МГУ после лекции он хотел подойти к престарелому академику А.И. Опарину, чтобы пожать ему руку, но как только академик перестал говорить, кафедру окружила толпа неопределенного вида и возраста девушек и женщин. Они здорово нервничали и переспрашивали друг друга: «Где шоколадка академика? Где шоколадка?» Янтера, понятно, бесцеремонно оттерли в сторону. Впрочем, он и сам в тот момент понял, что в столь преклонные годы разумнее не выслушивать глупые вопросы со стороны, а спокойно съесть вкусную шоколадку.

Или вот книжка профессора П. А. Баранова: «Происхождение и развитие растительного мира».

«Осуществление великого сталинского плана борьбы с засухой, перемещение в более северные районы южных теплолюбивых культур, освоение крайнего севера, пустынных и высокогорных зон и многое другое, приводящее к преобразованию лица земли на огромных территориях нашей Родины, с особой силой говорят о созидательной, творческой роли человека – строителя коммунистического общества – в дальнейшем развитии природы. – Вот предложения для настоящего диктанта. – В этом грандиозном деле преобразования природы выдающаяся роль принадлежит мичуринскому учению, поднятому на большую высоту и поддержанному великим корифеем науки И. В. Сталиным».

Наконец, от книг меня потянуло к людям.

Часть II. ЛЮДИ

ИВАН АНТОНОВИЧ

1

«Москва, 23. 04. 57

Уважаемые юные палеонтологи!

Вы, наверное, судя по письму, молодцы, но вы задали мне нелегкую задачу. Популярной литературы по палеонтологии нет. По большей части – это изданные давно и ставшие библиографической редкостью книги. Кое-что из того, что мне кажется самым важным – Вальтера, Ланкестера, Штернберга и др. наверное удастся достать, и я дал уже заказ, но это будет не слишком скоро – ждите. Свою последнюю книгу о раскопках в Монголии я послал вам. Извините, что там будет срезан угол заглавного листа – она была уже надписана в другой адрес. Для вас я имею в виду пока популярные книги, но не специальные. Надо, чтобы вы научились видеть ту гигантскую перспективу времени, которая собственно и составляет силу и величие палеонтологии. Если вы ее поймете и прочувствуете, то тогда найдете в себе достаточно целеустремленности и сил, чтобы преодолеть трудный и неблагодарный процесс получения специальности палеонтолога. Никаких специальных институтов, где готовят палеонтологов, не имеется. В палеонтологии существует два отчетливых направления. Одно, наиболее распространенное и практически самое нужное, – это палеонтология беспозвоночных животных, связанная с геологической стратиграфией. Подготовка палеонтологов этого рода ведется на геологических факультетах некоторых университетов – Московского, Ленинградского, Львовского, Томского и др. Другое направление, наиболее трудное, но и наиболее интересное и глубокое теоретически, – это палеонтология позвоночных, на которую идут люди только с серьезной биологической подготовкой. Это, собственно, палеозоология позвоночных, и для успешной работы в ней надо окончить биологический факультет по специальности зоология позвоночных со сравнительно-анатомическим уклоном (иначе – морфологическим). Это все так, но диплом дипломом, а вообще-то можно преуспеть в науке и с любым дипломом, лишь бы была голова на плечах, а не пивной горшок, да еще хорошая работоспособность. Почитайте подготовительную популярную литературу – тогда можно будет взяться и за книги посерьезнее. А так – ваши товарищи правы – для человека невежественного скучнее палеонтологии ничего быть не может, – всякие подходы к широким горизонтам в ней заграждены изучением костей и ракушек. Впрочем, и подходы к физике тоже заграждены труднейшей математикой. Везде так – нужен труд – в науке это самое основное.

Что вы собираетесь делать летом? Наш музей мог бы дать вам одно поручение – посмотреть, как обстоят дела с местонахождением небольших динозавров с попугайными клювами – пситтакозавров, которое мы собирались изучать в 1953 году, но оно было затоплено высоким половодьем. Это в девяноста километрах от Мариинска, который в 150 км по железной дороге от Тайги. Если есть возможность попасть туда и посмотреть – срочно напишите моему помощнику Анатолию Константиновичу Рождественскому (по адресу Москва, В-71, б. Калужская, 16, Палеонтологический Музей Академии наук СССР) о том, что вы могли бы посетить местонахождение. Он напишет вам подробные инструкции и советы что надо делать. Вообще вам надо связаться с нашим музеем – там есть

хорошие молодые ученые, у них времени немного больше, чем у нас, старшего поколения, и пользоваться их советами и поддержкой.

Мне тоже можно писать по этому же адресу.

Желаю вам всем всякого успеха и удачи. Иметь определенный интерес в жизни – это уже большое дело. Рассказы писать, по-моему, еще рано (для тов. Геннадия). Правда, может быть, особая гениальность... Все возможно.

С искренним уважением – И. Ефремов»

2

Шла по тротуару красивая женщина в ужасном пальто. Машинист Петров выплеснул на улицу помои. Пацаны возились на откосе железнодорожной насыпи. Все как всегда и все же мир в очередной раз изменился, потому что откуда-то из необозримой дальности, из невероятной дали, чуть не от антиподов пришло письмо, подписанное палеонтологом и писателем Ефремовым.

Никакого кружка трех палеонтологов не существовало. Нужна была массовка, вот я и подписал – кружок трех палеонтологов. А отказаться от экспедиции за пситтакозаврами, естественно, мог только больной человек.

Меня ничуть не уколол намек на мою особую гениальность.

Почему бы и нет? «Особая гениальность...» Надо лишь немножко сместить акценты...

«25 мая 1957 г., Москва.

Дорогие друзья! – писал палеонтолог Анатолий Константинович Рождественский. – Ваше письмо получил дней 10 назад, но ответить сразу не смог, так как, во-первых, оно требует весьма обстоятельного ответа и, во-вторых, у меня сейчас наиболее занятое время – я организую экспедицию в Казахстан. Я всячески приветствую Ваш энтузиазм и желание помочь науке, но вот только какими средствами Вы располагаете, чтобы организовать такую поездку? Ведь, помимо дорожных расходов, Вы должны чем-то питаться, где-то ночевать.

Но начнем все по порядку.

До Мариинска вы легко доедете по железной дороге – это наиболее простая часть вашего путешествия. Далее от Мариинска до деревни Шестаково нужно добираться на машине – расстояние 80 км. Машину нужно ловить у паромной переправы через р. Кию, на которой стоит Мариинск и вверх по которой Вы должны ехать. По приезде в Шестаково разыщите Комишина Егора Андреевича или Комишину Марию Ивановну – я у них останавливался в 1954 г. Возможно, они согласятся Вас приютить – у них большой дом и двор с постройками, есть где переночевать. Расскажите им про цель Вашего путешествия. Кстати, от них вы можете узнать и что-нибудь новое. От их дома до Шестаковского яра, где были найдены кости, – недалеко, не более километра. Вряд ли у Вас будут лишние деньги, чтобы платить за свой постой, но Вы можете договориться с хозяевами, что поможете и по хозяйству – перепилить и переколоть дрова, скажем, или еще что-нибудь в этом роде.

Относительно питания я советую Вам поступить так.

Насушите с собой побольше черных сухарей, возьмите несколько пачек чая и сахару, обязательно соль и спички. Возьмите также некоторое количество круп, из которых можно варить кашу и пускать в суп. Километрах в семи от Шестаково имеются два озера – Большой и Малый Базыр, изобилующих карасями, которые хорошо ловятся на удочку, особенно в вечернюю зорю. Ловить нужно в восточном из этих озер, но с его западной стороны. Между озерами с километр перемычка из торфяника, заросшего кустарником. В дождливую погоду эта перемычка становится мягкой и ходить по ней нужно осторожно, чтобы не

провалиться в трясину. Карась хорошо ловится на червя, которого нужно копать у коровников. Лески нужно достать сатурновые. Крупные караси – по 0.5 кг и более – ловятся уже после вечерней зари часов до 12 ночи. Рыба может быть важным подспорьем в Вашем питании. Молоко Вы найдете в деревне, а если у Вас будут деньги еще и на масло, чтобы поджарить карасей, то будет совсем хорошо. Картошку тоже достанете в деревне. Что касается снаряжения, то, вероятно, Вам придется довольствоваться домашними возможностями, так как вряд ли Вы найдете необходимое экспедиционное снаряжение в Тайге, да к тому же это и стоит дорого. Если у Вас нет рюкзаков, возьмите простые вещевые мешки, приделав к ним лямки по старому русскому способу: заложить в углы мешка по картофелине и захлестнуть веревкой. Вряд ли у Вас есть спальные мешки, но можно обойтись и без них – возьмите плотные шерстяные одеяла или легкие ватные. В качестве верхней одежды лучше всего ватники, если есть плащи, захватите и их – пригодятся. На ноги хорошо грубые ботинки, а для рыбной ловли – резиновые сапоги, можно и то и другое заменить кожаными сапогами. К этому захватите или тапочки или сандалии, чтобы после похода давать ноге отдых. Возьмите по две смены запасного белья и мыла, чтобы стирать его. Из посуды Вам необходимо взять следующее: две алюминиевые кастрюли (большую и поменьше), чайник, сковородку, миски, ложки столовые и чайные, кухонный нож, кружки. Если есть, возьмите фляжки. Захватите небольшую аптечку, в которой должно быть: несколько бинтов, норсульфазол и белый стрептоцид (жаропонижающее), йод, пирамидон (от головной боли) и хинин (если кто из Вас подвержен малярии). Хорошо если достанете в аптеке диметилфталат – это прекрасное средство от комаров и мошки, они не кусаются, если слегка смазать лицо и руки. Из специального снаряжения, если есть, возьмите небольшую кирку, компас, луну, некоторое количество технической ваты и газет (для упаковки костей), рулетку или складной метр. Лопаты достанете на месте, а вот топорик небольшой хорошо взять с собой. У каждого должна быть тетрадь-дневник и карандаши (простые, химические и цветные). К каждому образцу нужно приложить этикетку, которая заворачивается внутрь. В ней указывается место взятия образца (географическое положение – например, правый берег р. Кии, в 1 км ниже д. Шестаково Кемеровской области), слой, из которого взят образец, дата и фамилия, кто взял образец.

Кости пситтакозавров небольшие (само животное было 1–1.5 метра), плотные, красноватого цвета (кости имеют цвет окружающей породы), залегают близ уреза воды. В тот год, когда я был, весна была очень поздней, и вода стояла выше костеносного горизонта. Найдены кости пситтакозавров только в Шестаковском яре около д. Шестаково. Более подробные сведения Вы найдете в моей статье, которую я Вам посылаю. Карту Кемеровской области в Москве сейчас достать невозможно, и у меня ее нет у самого, поэтому придется довольствоваться копией. Более подробные карты не продаются.

На этом я заканчиваю свое письмо, желаю Вам успехов. Если найдете кости, сообщайте – приедем помогать. До 5-го июня я пробуду в Москве, а после этого мой адрес: г. Челкар Актюбинской области Казахской ССР. Если найдете скелет, то немедленно телеграфируйте, сами не берите, так как его лучше брать вместе с породой – монолитом, а у Вас в этом нет опыта, и Вы можете погубить ценную находку. Кости, выпавшие на поверхность, берите и упаковывайте в пакеты с ватой. Зафиксируйте уровень костеносного горизонта от уреза воды и от вершины обрыва. Если будет высокая вода, будьте осторожны под Шестаковским яром, так как приходится ходить близ отвесных стен, которые постоянно обрушиваются.

Еще раз желаю удачи...»

3

«Уважаемый Геннадий со товарищи! – писал Иван Антонович в июле 1957 года.

Меня очень заинтересовало ваше письмо. Если вы действительно нашли там черепа пситтакозавров, а не что-нибудь другое, то вы все молодцы и вашу работу мы осенью отметим, когда съедутся мои сотрудники. Чтобы судить об этом, упакуйте ваши сборы в большой и крепкий ящик. Если они тяжелы, то лучше положить в один ящик и отправить его по железной дороге пассажирской или большой скоростью по адресу: Москва, В-71, Большая Калужская, 33, Палеонтологический институт Академии наук СССР. Если же вес не очень велик, то упакуйте в два-три небольших ящика весом по 8-10 кг, и пошлите почтой по тому же адресу. На все эти операции я переведу вам триста рублей, как только получу телеграмму в ответ на посланную вчера. Рождественский забрался далеко в южный Казахстан и вернется в Москву к середине сентября или к концу. Поэтому я пока замещаю его по переписке с вами. Однако торопитесь мне ответить, если еще что-нибудь нужно, так как я уезжаю после 20-го на отдых.

Упаковку производите так: каждый обломок должен быть завернут в отдельный кусок мягкой бумаги – газету – и затем все обломки, относящиеся к одной части, совместно в один большой пакет. Все тяжелые и большие куски должны быть помимо бумаги обернуты в вату (купите в аптеке) и переложены ватой, наклейте или по крайности мхом, сухой и мягкой травой так, чтобы не касались друг друга, чтобы не тереться и не биться о стенки ящика или его дно. Постарайтесь отправить как можно скорее, так как идет долго – пока там мы получим коллекцию, особенно если по железной дороге. Можно вместе с костями отправить кремни и черепки – по-видимому, в верхних горизонтах обрыва вы нашли остатки палеолитической или неолитической стоянки. Мы передадим их для определения в Институт материальной культуры – они установят ценность находки. В прилагаемой этикетке дайте чертеж обрыва и высоту залегания всех находок от уреза воды реки и от бровки (верхней) обрыва и схему геологического разреза. Оставшиеся от упаковки и отправки коллекций деньги можете употребить на покупку нужных вам научных книг, фотопринадлежностей, карт и т. п. – что там вам понадобится. Одновременно с этим письмом я pošлю вам хороший атлас реконструкции жизни животных в разные геологические эпохи. Он на чешском языке, но смысл его – в отличных картинках. В общем мне экспедиция ваша нравится, и вы, по-видимому, – способные ребята. Ежели вас draить, по морскому выражению, не давать писать фантастических рассказов и вообще никаких пока, то толк будет.

С палеонтологическим приветом – И. А. Ефремов.»

Останков пситтакозавра мы, к сожалению, не нашли, но...

«Я ведь тоже проезжал зря, – писал мне А.К. Рождественский, – и тут ни ты, ни я ничего не могли сделать, потому что костеносный горизонт под водой. Потом, ведь и никем не доказано, что там динозавров целыми вязанками насыпано. Мог быть один скелет, который и нашли в 1953 году.»

4

«Многоуважаемый Геннадий! – писал Иван Антонович в январе 1958 года. – В этом году у нас будет большая экспедиция с палеонтологическими раскопками в бассейне р. Камы. Если бы Вы смогли принять в ней участие, то было бы очень полезно. Напишите начальнику этой экспедиции Чудинову Петру Константиновичу, что Вы хотели бы принять участие в экспедиции в качестве рабочего. Напишите ему, что Вы сможете приехать

из Тайги за свой счет, а я пришлю Вам денег на дорогу. Сделать это надо не очень откладывая, чтобы иметь Вас в виду. Работы будут вестись с июня по август. Привет Вам и Вашим родителям.

И. Ефремов.»

Провинциальный пацан и человек, умудренный жизнью.

Я вчитывался в книги и пытался понять, как становятся Ефремовыми.

«...Еще не доезжая станции Шунгай, – писал Иван Антонович о своем путешествии в 1926 году в Прикаспий, – гора Богдо, несмотря на ее небольшую высоту, резко выступает на фоне ровной степи. Протягиваясь в форме подковы на полтора километра, вблизи она производит впечатление монументальности, в особенности ее центральная часть с чрезвычайно крутыми склонами. Конечно, в цепи, например, Кавказских гор гора Богдо потерялась бы незаметным холмиком, но здесь она стоит одиноко, окруженная, на сколько хватает глаз, плоской тарелкой степи...

Разбив всю гору на участки, я начал медленно продвигаться вдоль горы, исследуя каждый подозрительный обломок камня. Перебив и пересмотрев несметное количество известковых плит у подножья горы, я собрал несколько костей лабиринтодонтов и стал исследовать обломки известняков по склонам зигзагообразным путем, беспрерывно поднимаясь и опускаясь. Обнажения пластов на склонах горы заматы натеchnой сверху глиной, усыпанной обломками известняка. Глина засохла плотной коркой, и, цепляясь за обломки известковых плит, можно подниматься по довольно крутым склонам почти до шестидесяти градусов. Держа в одной руке молоток, без которого охотник за ископаемыми не может ступить ни шагу, другой забиваешь кирку в склон горы и осторожно подтягиваешься выше. Конечно, иногда бывают неприятные минуты, когда ноги соскальзывают, кирка вырывается из рыхлого размытого склона, и начинаешь сползать вниз сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Но, мгновенно снова забив кирку поглубже, останавливаешься и продолжаешь таким же способом прерванное продвижение вверх. Спускаться можно, вырубая ступеньки, или, в прочном костюме, можно медленно сползать, просто сидя и упираясь на пятки, притормаживая киркой или молотком. Обычно в процессе работы очень быстро привыкаешь проделывать все это автоматически, не отрывая взгляда от кусков известняка и беспрерывно раскалывая плиты.

Лишь по самым крутым склонам мне приходилось взбираться с канатом.

Канат я закреплял за железный рельс, поставленный в качестве репера на самой вершине горы. Отклоняясь куда-нибудь в сторону, я забивал железный лом в склон горы и закидывал на него канат. Таким способом я мог делать значительные отклонения в ту или другую сторону, оставляя канат надежно привязанным за железный репер на вершине. Однажды я плохо забил лом; закинув за него канат, я начал спускаться. Вдруг лом вырвался из рыхлой натеchnой глины и я моментально полетел вниз. Падая, я крепко вцепился в канат, который, как только размотался до репера, резким толчком натянулся, ободрав мне кожу на руках, и я, качнувшись, как маятник, перелетел на другой склон, приняв отвесное положение относительно репера. Пожалуй, эта секунда была одной из самых неприятных в моей жизни. По счастью, я не выпустил каната и потом легко взобрался на вершину, проклиная изобретенный мною способ...

Обследовав все осыпи по склонам, я заложил раскопки на одном из самых крутых выступов Богдо – юго-юго-восточном. Копать в середине крутого склона горы было очень трудно. Тут нам большую помощь оказали сильные ветры, обдувавшие склон горы и обеспечивавшие большую устойчивость при балансировании на маленькой ступеньке с помощью кирки. (Позже, в превосходном рассказе «Белый рог» эта деталь была использована

стопроцентно, – **Г.П.**) Впоследствии, когда на отвесном склоне горы образовалась большая площадка, работать стало гораздо легче. Пласт за пластом расчищали и выбирали мы из горы, то испытывая сильное разочарование, когда пласт оказывался пустым, то с полным удовлетворением достигнутой цели выбивали из него красивые завитки аммонитов и темные или светло-желтые кости лабиринтодонтов. Для определения нижних горизонтов горы приходилось спускаться в пещеры под красными буграми и ползать под землей по воронкам и пещерам гипсового поля на юг от Богдо. В одной из пещер, шедшей наклонно, я поскользнулся и, скатившись вниз, провалился в отвесный колодец, глубоко уходивший в бездонную черную темноту. По счастью, колодец был довольно узок, и я заклинился в нем до самых плеч, которые уже не могли пролезть в колодец. Я очутился в положении пробки в горлышке бутылки, и потребовалось немало труда, чтобы высвободиться и, главное, снова влезть по наклонной гипсовой стенке, покрытой песком, принесенным водой...»

5

«Москва, 21. 03. 58.

Уважаемый Геннадий!

«Тафономию» нигде не сыщешь днем с огнем. Но среди старых оттисков я нашел так называемые «чистые листы», оставшиеся у меня от корректур «Тафономии». Здесь нет начала, т. е. фактического материала по местонахождениям, но зато все остальное – все закономерности и выводы – это все есть. Сохраните эту корректуру, и если она Вам не будет нужна, – пришлите обратно.

По заключениям Громова (предварительным, т. к. мало данных) Ваши находки – неолит, видимо, поздний, и останки мамонта не связаны непосредственно с этой стоянкой – видимо, они были в самом верху террасы. Но есть что-то интересное в отделке копья, и вообще Громов считает нужным посетить стоянку снова какими-нибудь местными специалистами, с которыми он договорится. В общем, эта находка ваша – полезное для науки дело. В экспедицию к Чудинову обязательно старайтесь попасть, так как Рождественский в этом году никуда не поедет или будет работать вместе с Чудиновым.

С приветом – И. Ефремов.»

К Чудинову на озеро Очер я попал.

Иван Антонович болел, приехать не смог, зато от него приходили книги – только что начавший переиздаваться А. Грин, «Ветры времени» Чэда Оливера, повести Хайнлайна и Гамильтона, Джим Корбетт, Джеймс Конрад. Может, это покажется странным, но гораздо сильнее, чем книги, меня тогда волновали раскопки. Кстати, именно там были найдены остатки дейноцефала, названного позже в честь Ивана Антоновича «*Ивантозавром меченосным*» – *Ivantosaurus ensifer*.

Широкоплечий сильный человек, грузный, чуть картавящий, ироничный.

В руках громадный клетчатый платок – жарко. Поглядывает с некоторым удивлением. В виде поощрения приглашенный в Москву, я жил прямо в Палеонтологическом музее.

Череп вымершего бизона с круглым пулевым отверстием.

«Кто на него охотился? – удивление. – Прочти „Звездные корабли“.

«Почему начал писать фантастику? – удивление. – Не устраивала система доказательств, которой оперируют ученые.»

У любого ученого, понял я, плох он или хорош, всегда скапливаются какие-то свои глубоко личные замыслы. Практического выхода они обычно не находят. Вот и получается: с одной стороны всяческие гипотезы, с другой – невозможность поддержать свою гипотезу строго научными доказательствами. Однажды, в тридцатые, объяснил Иван Антонович, он

написал статью о способе добычи коренных пород со дна морского океана. Рукопись была отправлена в солидный немецкий журнал «Геологише Рундшау». Рецензировал статью профессор Отто Пратье, крупнейший в те времена специалист по морской геологии. «Знает ли доктор Ефремов о том, что дно мирового океана покрыто мощным слоем рыхлых осадков?» – важно спрашивал он в рецензии. И сам отвечал с важностью: «Если и знает, идея, предложенная им, все равно вздорна!»

Иван Антонович разворачивал свой клетчатый парашют.

«Я не стал спорить. Я написал фантастический рассказ. Он понравился читателям. А самое смешное: способ добычи коренных пород со дна мирового океана, описанный в рассказе, сейчас, в общем, дело будничное.»

Теплый августовский вечер, Большая Калужская, я крутил головой, пытаюсь заглянуть в открытые окна волшебного кафе «Паланга». Красивые люди ели, пили, гнал прохладу огромный вентилятор под потолком. «Если стану таким, как Иван Антонович, – думал я. – Если стану когда-нибудь таким, как Иван Антонович, знаменитым, богатым, и буду гулять мимо такого красивого кафе с голодным пацаном, как я, непременно приглашу его.»

К сожалению, Иван Антонович не догадался.

Он неторопливо провел меня мимо кафе, расспрашивая, а что там приключилось в несчастной семье Карениных? – иногда он задавал и такие вопросы. Я рассеянно отвечал, что, дескать, все обошлось, вот только последняя часть там лишняя, ни к чему. Мне тогда в голову не могло придти, что через много лет именно эта часть будет мне нравиться больше всего остального текста. И уж, конечно, не приходило в голову, что однажды, вернувшись из Берлина, я случайно выйду к кафе «Паланга» и загляну в него. Дешевая деревянная отделка, пошловатые люстры, неистребимый запах подгоревшего жира.

И ведь это тогда (к слову о богатстве) Иван Антонович жаловался своему другу литературоведу В.И. Дмитриевскому: «...*На опыте «Лезвия»* (роман «Лезвие бритвы», – **Г.П.**) пришел к заключению, что писательство в нашей стране – дело, выгодное лишь для халтурщиков или заказников. Посудите сами – я ведь писатель, можно сказать, удачливый и коммерчески «бестселлер», а что получается. «Лезвие» писал с середины 1959 года, т. е. до выхода книги пройдет без малого пять с половиной лет. Если считать, что до выхода следующей мало-мальски «листажной» повести или романа пройдет минимум два года, ну, в самом лучшем случае – полтора, то получается семь лет, на которые растягивается финансовая поддержка от «Лезвия». Если все будет удачно, то «Лезвие» получит тройной гонорар (журнал + два издания). За вычетами, примерно по 8500, т. е. в итоге – 25 тысяч. Разделите на семь лет, получите около 300 рублей в месяц. Потому если не будет в ближайшее же время крупного переиздания, то мой заработок писателя (не по величине, а по спросу и издаваемости) первого класса оказывается меньше моей докторской зарплаты – 400 р. в мес., не говоря уже о зав. лабораторной должности – 500 р. Каково же меньше пишущим и менее удачливым или издаваемым – просто жутко подумать...»

6

«Абрамцево (под Москвой), 20. 10. 59.

Глубокоуважаемый Геннадий! Прочитал Ваше письмо с удовольствием.

Мне кажется, что Ваша жизнь, хоть и скудная материально, но правильная – такая и должна быть у людей, по-настоящему интересующихся наукой. Все же университет должен быть неизменной целью, хотя бы для права заниматься наукой и идти по любимой специальности. Черт бы взял нашу бедность с жильем – надо бы взять Вас в лаборанты к нам в Институт – самое верное и самое правильное, но без прописки в Москве принять Вас нельзя, а прописаться без работы – тоже не выйдет. Вот и принимаем в лаборанты всякий

хлам только потому, что живет в Москве – глубоко неправильный подход к комплектованию научными кадрами. В том и смысл Академии, что она должна брать к себе все настоящее из всей страны, а не случайных маменькиных сынков...

Я все еще на временной инвалидности, живу под Москвой и вернусь к работе в Институте только в марте будущего года. Тогда подумаю над книгами. На чём Вам заниматься – очень больной вопрос – у нас нет ни популярных работ, ни хороших учебников – все еще только в проекте. Как у Вас с языками? Надо знать минимум английский язык, чтобы прочитать ряд хороших работ по палеонтологии позвоночных, морфологии (функциональной) и сравнительной анатомии. Следите за работами академика Шмальгаузена – он написал в последнее время ряд интересных работ по происхождению наземных позвоночных. Если Вы владеете языком – составлю Вам список книг, которые можно будет получить по межбиблиотечному абонементу в Томске (а может быть таковой возможен у Вас в Тайге?)...

Теперь коротко о Вашем вопросе – подробно писать не могу – переписка у меня выросла так, что совершенно меня задавила – и не отвечать нельзя и отвечать невозможно, секретаря мне по чину не положено. Так вот, на человека теперь, в его цивилизованной жизни не действуют никакие силы отбора, полового отбора, приспособления и т. п. Накопленная энергия вида растрачивается, потому что нет полового подбора и вообще человек не эволюционирует, во всяком случае так, как животные. Да и общий ход эволюции животного и растительного мира из-за столкновения с человеком сейчас совершенно исказился и продолжает еще сильнее изменяться под воздействием человека...

А вы выписали наш «палеонтологический журнал»?

С приветом и уважением – И. Ефремов.

P.S. Если понадобится проехать от Вас в экспедицию или за литературой – рассчитывайте на финансовую поддержку. Рублей 500 всегда смогу выделить.»

7

«Что может быть общего между автором бессмертного «Робинзона Крузо» англичанином Даниэлем Дефо и великим русским фантастом Иваном Ефремовым?» – задалась вопросом популярная газета «Аргументы и факты» в начале перестройки.

И сама ответила:

«Первый создал английскую разведку, а второй, возможно, был ее сотрудником.

Как нам стало известно из компетентных источников, в 70-е гг. в стенах КГБ проводилась тщательная проработка версии о возможной причастности И.А. Ефремова к нелегальной резидентатуре английской разведки в СССР. И что самое удивительное, окончательная точка так и не была поставлена – действительно ли великий фантаст и ученый Иван Ефремов – Майкл Э. – сын английского лесопромышленника, жившего до 1917 года в России? Основанием для многолетней работы по проверке шпионской версии послужила внезапная смерть Ивана Ефремова через час после получения странного письма из-за границы. Были основания предполагать, что письмо было обработано специальными средствами, под воздействием которых наступает смертельный исход...»

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

В городской библиотеке города Тайги я случайно наткнулся на тоненькую книжку, на обложке которой чудовищная обезьяна отчаянно боролась с набросившейся на нее пантерой. Книжка была издана в 1945 году. Это меня поразило. В годы войны писать про обезьяну, пусть и такую страшную...

Герой, впрочем, мне понравился.

«Бабочки у него были: гигантские орнитоптеры, летающие в лесах Индонезии и Австралии, и крохотные моли. Орнитоптеры привлекали его величиной и благородной окраской, в которой черный бархат смешивался с золотом и изумрудами. Моли нравились ему по другой причине: расправить тончайшие крылья этих крошек было очень трудно...»

Так писать мог только человек, сам умеющий расправлять самые тончайшие крылышки.

«Он смотрел на большую стрекозу с бирюзовым брюшком, летавшую кругами вокруг него. Стрекоза хватала на лету комаров. Иногда оторванное крылышко комара падало, кружась у самого лица Тинга, тогда он видел, как оно переливалось перламутром в колющем луче...»

Оторванное крылышко комара меня окончательно покорило.

Теперь, задним числом, я понимаю, что знакомство с повестью «Недостающее звено» кардинально изменило мои взгляды на литературу. До знакомства с нею я считал, что книга развлекает, вводит в новую игру, а теперь увидел, что она еще и учит. Вообще думаю, что знакомство с Николаем Николаевичем стало одним из самых значительных событий моей жизни. Доктор биологических наук Плавильщиков был известным энтомологом, одним из крупнейших специалистов по дровосекам (в мировом масштабе). Разумеется, я имею в виду жуков-дровосеков. Монголия, Корея, Япония, Индия, Иран, Мадагаскар – трудно назвать место, откуда к Николаю Николаевичу не поступали бы экземпляры дровосеков. Он собрал уникальную коллекцию – почти 50 000 экземпляров. Столь же необозримой была работа Плавильщикова по популяризации научных знаний. «Очерки по истории зоологии» или, скажем, «Гомункулус», или «Краткая энтомология» до сих пор остаются настольными книгами любителей природы, а на великолепных переработках книг Ж. Фабра и А. Брэма выросло не одно поколение.

Так получается, что войти в литературу мне помог крупный ученый.

Почему-то Николая Николаевича заинтересовала судьба провинциального школьника. Он читал все мои первые рукописи, густо черкал их, указывая на несообразности, и не уставал, не уставал повторять: пиши не как В. Немцов, пиши не как В. Охотников, пиши не как Сапарин – они все и писать толком не умеют, и науки не знают. Пиши как Л. Платов, как Ефремов, а лучше всего – как Алексей Толстой!

«...Как я писал «Недостающее звено»? – (письмо от 4 апреля 1958 года).

Очень часто спрашивают – не у меня, а вообще: как вы работаете; просят: расскажите, как писали такую-то вещь... На эти вопросы нельзя ответить точно: всегда отвечающий будет ходить вокруг да около, и спрашивающий не услышит того, что ему хочется услышать.

И это понятно.

Возьмите какой-либо другой случай.

Вопрос: хорошего закройщика спрашивают: расскажите, как вы кроите? Он отвечает: а очень просто. Гляжу на заказчика, делаю несколько промеров, кладу на стол материал и... раз, раз ножницами! Спрашивающий проделывает в точности то же самое, и...

портит материал. Секрет прост: опыт. Его словами не передать, а в творческой работе еще важны внутренние процессы, которых не знает сам творящий.

Так и со «Звеном».

Издательство привязалось: напишите что-нибудь фантастическое о предках человека. Просят сегодня, просят завтра. Мне надоело. «Ладно, говорю, напишу». И самому занятно: что выйдет? Немного времени уделить на этот эксперимент я мог, но как и о чем писать?

Питекантроп...

А как его – живого – свести с современным человеком?

И не ученым, это будет скучно. Вот и придумал своего героя.

А почему его потянуло на питекантропа? Устраивается завязка: встреча с Дюбуа. Кошка на окне – просто так, для интригующего начала и ради причины переезда на другую квартиру.

Затем новая задача. Как устроить встречу Тинга с питеком?

Можно – лихорадочный бред, можно – во сне. Но это привяжет Тинга к постели, а мне нужно, чтобы он был в лесу... Цепь мыслей: бред больного... бред пьяного... бред отравленного...

Вот оно!

Пьяный, сами понимаете, невозможно, да он и не набегает много, а ткнется в куст и заснет. Отравленный – дело другое.

Чем отравить?

Всего занятнее – чего-то наелся в лесу.

Ну, я ищу – чем его отравить. И вы видите, получилось: отравы подходящая во всех смыслах. А дальше... Придумывается, что могли делать питеки, ищутся способы использования местной фауны тех времен, пейзажа и прочее. Выглядит это совсем просто, да так оно мне и казалось: основная работа шла в голове, даже без моего ведома. А потом готовое попадало на бумагу.

Конец, правда, пришлось переделывать: редакция потребовала более спокойного конца (у меня было так: Тинг обиделся на Дюбуа, переименовал бабочки и т. д.) и пришлось писать ту мазню, что в конце последней страницы.

Как видите, нужно надумать основную сюжетную линию, а затем подобрать материал. Мне это было совсем нетрудно: я знаю, что примерно мне нужно, а главное – знаю, где это искать.

Остается компоновка.

Вот и смотрите: научились вы чему-нибудь?

Вряд ли. Можно написать о том же в десять раз больше, но суть останется той же: поиски «объекта» и возможностей его обыгрывания. Отравленный желтыми ягодами обязательно «бежит». И вот – ряд всяких пейзажных и иных моментов, которые должны отразить «беготню» и вообще настроение отравленного. Говорят, это получилось. Не знаю, как с «настроением», но концы с концами я свел. Для меня это был эксперимент особого порядка: суметь показать бред так, чтобы это выглядело явью, с одной стороны, и чтобы все события, якобы случившиеся, были оправданы и состоянием бредящего и окружающей его обстановкой. Тинг видит себя в лесу и прочее тех времен, но бежит-то он по современному лесу. Отсюда ряд пейзажных и сюжетных комбинаций: современность, преломленная в прошлое. Так как наши дни и дни питека не столь уж резко разнятся (в тропиках и подавно) по составу фауны и флоры, то сработать все это было не так уж и хитро.

Конечно – зная.

Вот это-то «зная» и есть одно из двух основных условий работы: нужно знать то, о чем пишешь, и нужно уметь рассказать, то есть уметь увидеть описываемое и уметь

передать это своими словами, причем не в живой речи, а на бумаге. Для того, чтобы иметь и то и другое, нужно время (особенно для приобретения знаний), а для писателя еще и опыт.

Способности – сами собой.

Но некоторые «средние» способности есть почти у каждого, а Пушкины и Алексей Толстые – великие редкости...»

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДНИ

1

Осенью 1968 года я работал в поле на севере Сахалина – мысе Марии.

Было приятно думать о возвращении. В Южно-Сахалинском книжном издательстве должна была выйти моя первая книга – стихи, объединенные под оригинальным названием «Звездопад». Я буду дарить книжку девушкам, мечтал я в маршрутах. Романтичные стихи молодого энергичного бородача. Я пошлю книжку своим болгарским друзьям. В книжку вошел цикл стихов о Болгарии – стране, которая многие годы была мне родной, пока неистовые болгарские реформаторы не превратили мавзолей Георги Димитрова в общественный туалет.

Вернувшись с полевых работ, я отправился в издательство.

Настроение в нем почему-то царило не праздничное. Директор меня не принял, а редактор книжки дал странный совет. Наверное, перепутал порядок ходов, как говорят шахматисты. «Твоя книжка уже готова, – сказал он, странно оглядываясь, будто нас могли подслушать. – Осталось всего лишь подписать ее в свет, но у цензуры появились некоторые вопросы.» Он смотрел на меня круглыми испуганными глазами. «Сходи к цензору сам. Это очень умная женщина.»

Конечно, редактор сказал это, не подумав, ведь в Советском Союзе цензуры не было. И цензоров, как таковых, не существовало. Были всего лишь штатные сотрудники Лито, невидимки, общаться с которыми имели право только редакторы, но никак не авторы. Для авторов, как для всех прочих смертных, цензуры и цензоров в Советском Союзе действительно не существовало – так... выдумка антисоветчиков...

Проинструктированный редактором, я нашел нужное здание, поднялся на нужный этаж, вошел в нужный кабинет. Женщина за столом оказалась молодая и симпатичная, в этом редактор не ошибся. Брюнетка с пронзительными глазами. Явно из тех, что любят черное шелковое белье с кружевами.

Я видел это по ее глазам.

Она была влюблена в мои стихи.

«Ах, – радостно сказала она, – я давно ничего такого свежего не читала. Вашу книгу ждут читатели.»

Я согласился с нею.

«Есть, правда, мелочи, – пояснила женщина-цензор, распрямляя и без того прямую спину. Пронзительные глаза жгли меня как лазеры. – Вот тут, взгляните. Чепуха, мелочь, дребность, как говорят болгары. Какой-то недостойный случайный стишок о нашем советском князе Святославе. В девятьсот шестьдесят восьмом году (тысячу лет назад) он якобы застиг врасплох болгарские города, сжег Сухиндол, изнасиловал... – голос цензорши сладко дрогнул, – ах, изнасиловал многих болгарок... – Она смотрела на меня с испугом, даже чуть откинулась в кресле. – Ну, если и так? Где тому доказательства? В каком госхране находятся документы, доказывающие массовые изнасилования? Не мог наш советский князь вести себя в братской стране подобным образом.»

Я не согласился: «Известный советский болгаровед академик Н. С. Державин говорит...»

«Вы можете представить его труды?»

Я кивнул.

Мне было не трудно.

На другой день я доставил в Лито второй том «Истории Болгарии» академика Н. С. Державина. На стр. 13 ясно было сказано: *«В конце весны или в начале лета 968 г. Святослав Игоревич во главе 60-тысячной армии спустился в лодках вниз по Дунаю и двинулся по Черному морю в устье Дуная. Болгария была застигнута врасплох, выставленная ею против Святослава 30-тысячная армия была разбита русским князем и заперлась в Доростоле (теперь Силистра)... Центром своих болгарских владений Святослав сделал город Преславец, т. е. Малый Преслав, расположенный на правом болгарском берегу Дуная... Чтобы спастись от непрошеного гостя, болгарское правительство вступило в переговоры с Византией, одновременно предложив печенегам напасть на Русь и тем самым заставить русских с их князем очистить Болгарию. Печенеги на это согласились и осадили Киев. Это заставило Святослава поспешить в Киев, но значительную часть своей армии он оставил в Преславце. Ликвидировав в Киеве угрожающую ему со стороны печенегов опасность, в следующем же 969 г. Святослав вновь направился в свою болгарскую область».* – *«Не любо ми есть в Киеве быти, – писал князь Святослав своей больной старушке матери Ольге, – хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся блага сходятся: от грек злато, паволоки, вина и оwoщеве разнообразные, из Чех же, из Угрь серебро и комони. Из Руси же скоро и воск, мед и челядь.»*

Ну и все такое прочее.

Отложив книгу, красивая цензорша долго глядела на меня с непонятной грустью.

«Откуда же эта печаль, Диотима?» Я даже встревожился. Жизнь так прекрасна. Дарить девушкам книжку стихов. Даже цензорше нравятся мои стихи. Зачем лишние вопросы? Зачем спрашивать, в каком году издан лежащий на столе том академика Н. С. Державина?

«В одна тысяча девятьсот сорок седьмом».

«А какое, миленький, у нас тысячелетье на дворе?» – цензорша, несомненно, знала русскую поэзию.

«От рождества Христова – второе. А точнее, одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год.»

«Вот и ладушки», – подвела итог цензорша. И посмотрела на меня долго и многообещающе: «В девятьсот шестьдесят восьмом году, даже в одна тысяча сорок седьмом наш советский князь Святослав мог делать в братской Болгарии все, что ему заблагорассудится. Но в одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году мы ему ничего такого не позволим.»

Набор книги был рассыпан.

2

Одно время некий умелец на острове Итуруп (Курильские острова) кормил заезжих геологов вкусными домашними колбасками. Звучит совершенно невероятно, но я сам их пробовал. Ходили слухи, что самодеятельный колбасник перекручивал в фарш лис и сивучей, но вкус не совпадал, поскольку все мы на Курилах пробовали все, что плавает и ползает. Несколько позже случайно выяснилось, что штормом выбросило в бухту Доброе Начало неизвестного науке гигантского дохлого зверя, может быть плезиозавра, дожившего до наших дней в глубинах Курильской впадины, вот его мясо и пошло на домашние колбаски.

Предположил это палеонтолог, работавший в нашем отряде.

Он извлек из надкушенной колбаски непонятную косточку. Она была ему хорошо знакома ему по ископаемым остаткам. Колбасника мы побили, конечно, но что толку? Ведь кости, жилы и хрящи – все самое ценное! – этот мерзавец сплавил в океан, не зря в бухту стаями повадились касатки. От их острых плавников ночная вода была расчерчена огненными зигзагами.

Писатель-фантаст Георгий Иосифович Гуревич первый обратил внимание на мой необычный опыт. Вы там бродите по краю ойкумены, написал он мне. Вы там видите закаты, вулканы, острова, богодулов, странных людей с необычной кармой. Все они пытаются соскочить с Колеса жизни и вы сами активно в этом участвуете, знаю я вас. Бормотуха, пятидесятиградусная водка «туча», казенный спирт, плезиозавровые колбаски, зачем вам писать о какой-то бразильской сельве? (Он намекал на некоторые мои фантастические повести, в которых действие происходило, как сейчас говорят, в дальнем зарубежье). Пишите о родных островах. *«В литературе, видите ли, в отличие от шахмат, переход из мастеров в гроссмейстеры зависит не только от мастерства. Тут надо явиться в мир с каким-то личным откровением. Что-то сообщить о человеке человечеству. Например, Тургенев открыл, что люди (из людской) – тоже люди. Толстой объявил, что мужики – соль земли, что они делают историю, решают мир и войну, а правители – пена, только играют в управление. Что делать? Бунтовать – объявил Чернышевский. А Достоевский открыл, что бунтовать бесполезно. Человек слишком сложен, нет для всех общего счастья. Каждому нужен свой ключик, сочувствие, любовь. Любовь отцветающей женщины открыл Бальзак, а Ремарк – мужскую дружбу, и т. д.*

Что скажет миру Прашкевич?»

3

Я понял Георгия Иосифовича.

Островной опыт тех далеких лет лег в основу двух повестей: «Территория греха» и «Великий Краббен». Усеченный вариант первой (под другим названием) вышел в Магадане в 1975 году, что ее и спасло от нападок (о книжке практически никто не знал), вторая в 1983 году – в Новосибирске.

Вышел «Великий Краббен» как-то не к месту.

Один за другим умирали генсеки, шли дожди, осины в Академгородке трепетали, как приговоренные к смерти. На пустых прилавках магазинов валялись детские соски и гондоны. Ничего больше. Исчезло мясо, исчез кофе. Вернувшись из отпуска (Москва, Пицунда, Свердловск), я не привез домой ни грамма жизненно необходимого напитка. А тут, беспартийного, меня вызвали в горком партии. Первый секретарь, назовем его Федором Ивановичем, еще весной сочинил некий путеводитель по Новосибирску. Редактором назначили меня, пришлось бесформенную массу материала приводить в порядок. Теперь уже вышла книжка и получилась она нетривиальная, полная чрезвычайно полезных сведений. Например, в ней указывалось, что в Новосибирске в сутках, как и в Москве, двадцать четыре часа.

Строгая правдивая книга.

Федору Ивановичу хотелось поощрить меня за отличную работу.

«Чаю? Кофе?» – спросил он, встретив меня.

«Конечно, кофе».

«Почему конечно?»

Я объяснил. «Вот, – объяснил, разведя руками, – исчез кофе из советских магазинов. Такова структура текущего момента. Совсем исчез. Гондоны и детские соски лежат, а кофе нет.»

«То есть как это нет?» – насторожился Федор Иванович.

До него доходили слухи, что я еще тот тип, крученный верченый, с темными пятнами в биографии, тайный антисоветчик, когда никто не видит, раскачиваю лодку, и все такое прочее, но по доброте партийной он не хотел этому верить. Все же из лукавого доброго человека Федор Иванович на всякий случай превратился в строгого, отвечающего за счастье

порученных ему людей, секретаря горкома партии. «Кофе нет, – пробормотал он. Нехорошей нервной тревогой несло от его бормотания. – Как это кофе нет?»

И беспокойно нажал звонок.

Вошла секретарша, милейшая женщина с высокой грудью и широко расставленными ногами. Только глаза у нее были расставлены шире. Такую в тонированном аквариуме держать.

«Что такое? У нас нет кофе?»

«Почему же? – ответила секретарша. – Любой!»

«И в зернах? И молотый? И растворимый одесский?»

«И в зернах. И молотый. И растворимый одесский», – ласково подтвердила секретарша, еще шире расставляя ноги.

«Сварите нам по чашечке, – распорядился Федор Иванович. – И принесите пару банок отдельно. В зернах. И растворимого.»

И после того, как кофе был выпит, а деловой разговор закончен, Федор Иванович молча пододвинул ко мне банки.

Он ничего не сказал.

Презент, я сам догадался.

И прочел в торжествующих глазах партийного секретаря: «У нас нет кофе! Ну на, выкуси, падла, антисоветчик сраный, видите ли, кофе у нас нет!»

4

Повесть «Великий Краббен» вышла в одноименном сборнике в Новосибирске в октябре 1983 года.

Вышел сборник тиражом в 30 000 экземпляров и сразу пошел в продажу.

Впрочем, торговали книгой недолго. Нервный «Военторг» успел продать несколько сотен и все. Уже на другой день специальным приказом Госкомиздата РСФСР весь тираж был отозван из книжных магазинов и свезен на склад. Я едва успел выкупить пару пачек у знакомого грузчика – за бутылку водки. Позже соседка по дому, оказавшаяся невольной свидетельницей (а может и соучастницей) указанного действия, рассказала мне, что прежде чем отправить опальный тираж под нож, книгу везли в артель слепых. Слепые срывали твердый переплет. Только после этого можно было рубить сам бумажный блок в мелкую лапшу. Я нахожу решение со слепыми мудрым. Ведь не литерами азбуки Бройля были набраны опасные похождения Серпа Ивановича Сказкина – бывшего алкоголика, бывшего бытового пьяницы, бывшего боцмана с балкера «Азия», бывшего матроса портового буксира «Жук», бывшего кладовщика магазина № 23, того, что в селе Бубенчиково, бывшего плотника «Горремстроя» (Южно-Сахалинск), бывшего конюха леспромхоза «Анива», бывшего ночного вахтера крупного научно-исследовательского института, наконец, бывшего интеллигента («в третьем колене» – добавлял он сам не без гордости). Простой и отзывчивый Серп Иванович наткнулся в кальдере Львиная Пасть на дожившего до наших дней плезиозавра. (Это я вспомнил того колбасника с Итурупа). Доисторическая тварь активно гоняла Сказкина по узкому берегу затопленной океаном кальдеры, но Серп Иваныч умел делать ноги.

«Кто сказал, что Серп не молод?»

Совершенно невинная шутка была признана гнусным надругательством над символической страны.

Выгоняя из дому неверную жену, бывший алкоголик неистово рубил китайские пуховики бельгийским топориком, крушил тайванским ломиком чешскую мебель. Он знал, чего требует. «Свободу узникам Гименея!»

«В то время как в Египте, в Уругвае, в Чили, в Южной Корее томятся в мрачных застенках борцы за мир, истинные коммунисты, чистые люди, положившие жизнь за свободу угнетенных всего мира, – писал официальный рецензент Госкомиздата РСФСР, – Прашкевич требует свободы узникам Гименя!»

Ну и все такое прочее.

Повесть кончалась пророческими словами.

«Что касается профессора Иосинори Имаидзуми, профессор пока молчит. Но и тут я настроен оптимистично: почти будет. Кому-кому, а уж профессору Имаидзуми вовсе не безразлична судьба Великого Краббена.»

После чего следовала заключительная фраза: *«Лишь бы в это дело не вмешалась политика.»*

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

Михаилу Петровичу Михееву, прекрасному новосибирскому писателю, нравилась моя фантастика, но «Великого Краббена» он не принимал.

«Смотри, – открывал он мне глаза на действительность. – Краббен лишил тебя работы, тебя не печатают, ты попал в черный список Госкомиздата. Тебе мало? Зачем ты опять пишешь про этого пьяницу?» – Он имел в виду рассказ про выведенный лысенковцами новый вид кукурузы. Серп Иванович Сказкин в деревне Бубенчиково попадает на такое поле. Там кукуруза была даже не столько выведена, сколько воспитана. Крайне агрессивный воинственный вид. Эта кукуруза должна была сама защищать себя от морганистов-вейсманистов, но произошел сбой на генетическом уровне и новый вид кукурузы активно защищал себя от колхозников.

Я помалкивал.

Я присматривался.

16 января 1987 года (целую эпоху назад) Михаил Петрович приехал в Академгородок. Империя еще не рухнула, и Литературный клуб Дома ученых имел возможность приглашать писателей из любого города. Кажется, приезжал Карен Симонян (Ереван), Теодор Гладков (Москва), Марк Сергеев (Иркутск), Михаил Карбышев (Томск), члены редакции знаменитого журнала «Химия и жизнь» (Москва) – Ольгерт Либкин и Михаил Гуревич с примкнувшим к ним писателем Виталием Бабенко.

Было морозно, дул жесткий ветер. Люди собирались неспешно.

«Мартович, – сказал Михеев, расхаживая на фоне черной доски, вмонтированной в стену Малого зала. – Давай спустимся в столовую и выпьем кофе. – И, как человек в высшей степени обязательный, предупредил: – Если даже никто не придет, я выступлю перед тобой.» – Вынув изо рта крошечную трубку (на моей памяти он ни разу ее не раскурил), он заметил: «Брехт утверждал, что детектив нужно писать весело».

Это он уже отвечал на вопрос, почему перестал писать фантастику.

«Не хватает знаний, Мартович, – объяснил он уже в столовой. – Фантастику должны писать люди, разбирающиеся в науке. Фантастику всегда писали люди, разбиравшиеся в науке. Не знаю, как у иностранцев, но у нас в основном так. Обручев – геолог, Сергей Беляев – медик, Ефремов – палеонтолог, Казанцев – инженер, Днепров – физик, младший из Стругацких – астрофизик. Чтобы писать фантастику, надо иметь научный склад ума, а я всего лишь электрик. Я умею возиться с техникой, но и все, не больше. Когда в фантастику придет очень много электриков и кондукторов, она превратится в нечто иное. И вообще, Мартович, в наше время милицейские сюжеты людям понятнее философских. Да и как я могу писать фантастику, если ничего не смыслю в науке? Перед Ефремовым, Мартович, я даже робею. Это, по-моему, уже даже и не фантастика. Это просто очень умный человек разговаривает с тобой, из воспитанности предполагая, что ты знаешь столько же. А я столько не знаю. И словарик изобретенных им терминов помочь мне ничем не может. Если честно, Мартович, я самым позорным образом очень многого не понимаю из того, что написано в „Туманности Андромеды“».

Подумав, он вздохнул:

«Да, может, мне этого и не надо.»

И опять вздохнул:

«От фантастики, Мартович, меня отпугнул Евгений Рысс. Был такой писатель-приключенец. Прочитав мою книгу „Тайну белого пятна“, он написал ужасную рецензию о „каких-то там дурацких провалах в Восточной Сибири“. Я, конечно, никогда не был знатоком гео-

логии, но Евгений Рысс самому широкому кругу читателей доказал, что я дурак. А вот геологам моя книга нравилась.»

Народ собирался медленно, мы не спешили в зал.

«Я рос сам по себе, Мартович. В тридцатые годы работал монтером в электроцехе в Бийске, о фантастике не думал, но с удовольствием читал ее. А писал стихи. Ну, знаешь, типа *«В фабкоме встретились шофер и комсомолка»*. А однажды на свадьбу друга сочинил песню *«Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов»* – про одного шоферюгу Кольку Снегирева. Песню почему-то запели, многие считают ее народной. А тогда мне пришлось поволноваться. Городская газета напечатала статью о плохом состоянии алтайских дорог, о частых авариях, о плохой дисциплине среди шоферов. Да и какой может быть дисциплина у шоферов, писала газета, если поются такие песни как *«Есть по Чуйскому тракту дорога»*? А однажды на работе крикнули: «Михеев, в особый отдел!» Я шел, Мартович, и ноги у меня дрожали. Из особого отдела куда угодно можно было отправиться. Скажем, этапом по тому же Чуйскому тракту. Вошел в кабинет, снял кепку, молчу. Особист в форме тоже долго смотрел на мои оттопыренные уши и молчал. А перед особистом, Мартович, лежал листок с полным текстом песни. «Твоя работа?» – «Моя.» – «Послушай, – громко сказал особист, и даже ладонью прихлопнул по столу. – Ты же у нас поэт, Михеев! Может, отправить тебя учиться?»

Мы посмеялись, но было видно, что воспоминание радует Михеева только потому, что оно – давнее.

«Я всегда, Мартович, хотел писать так, чтобы моего главного героя было за что любить. Но как я могу написать ученого, если я ученых не знаю? Вообще, – махнул он рукой, – мое призвание – электрик. Я, Мартович, не красуюсь. Я действительно люблю эту работу. Но, конечно, и писать мне нравится. Наблюдать, рассказывать об увиденном. Вот ты, например, что знаешь о добыче алмазов?»

Я пожал плечами.

«В городе Мирный, где добывают алмазы, – засмеялся Михеев, – я однажды спросил рабочих: „Вот наткнулись вы в отвалах породы на крупный алмаз. Вы как, сразу несете его бригадир, или вызываете специальных людей?“ Рабочие, Мартович, посмотрели на меня как на сумасшедшего. „Ты, дед, соскочил с ума, – наконец сказал один. – Ты, наверное, с нарезки слетел.“ – „Да почему?“ – „Да потому, – ответил рабочий, – что если кто-то из нас увидит под ногами алмаз, он отбежит от него подальше, да еще прикопает носком сапогом!“ – „Да почему?“ – не понимал я. – „Да потому, дед, что если кто-то принесет алмаз начальству, такого человека сразу возьмут за жопу и спросят: а где второй?“

«А поэзия, Михаил Петрович? Вы ведь начинали со стихов. Вы возвращаетесь к поэзии?»

«Нет, Мартович. От фантастики меня отпугнул Евгений Рысс, а от поэзии Елизавета Константиновна Стюарт. После моей стихотворной книжки „Лесная мастерская“ Елизавета Константиновна категорически заявила, что все, что я пишу, не является поэзией, не может быть поэзией, и никогда ею не являлось. Я думаю, Мартович, что по большому счету она была права. Поэт действительно не должен походить на нормального человека. А я нормальный.»

«Как это?»

«Поясню на примере. Есть в новосибирской писательской организации поэт, которого я долгое время по глупости своей не считал поэтом. Ну, сочинитель, это еще куда ни шло. Но однажды, Мартович, зашел я с приятелем в забегаловку недалеко от писательской организации. Подавали там только чай, поскольку дело было в год сухого закона. Когда мы вошли, я заметил за крайним столиком поэта, о котором тебе говорю. На столе перед ним лежала на тарелке отварная курочка, он неохотно ковырял ее вилкой. Увидев это, я окончательно

решил, что никакой он не поэт. Неважно, что под столиком он прятал бутылку. Не поэт и все! Так все тогда делали. Михаил Сергеевич и Егор Кузьмич могли держать бутылку на столе, а народ – только под столом. Ну, поговорили мы с приятелем, оборачиваюсь, – Михеев негромко рассмеялся: – Прошло всего-то там минут пять, а все кардинально изменилось. Бутылочка стояла теперь на столике, а курочку поэт прятал в ногах под столиком. Отопьет плоток и ковыряется вилкой под столиком. Вот тогда, Мартович, я понял, что он поэт.»

Впрочем, в зале в тот вечер Михеев говорил только о детективах.

Заглянув в книгу «Писатели о себе» (Новосибирск, 1973) я наткнулся на такие слова: *«Первая книжка запомнилась надолго – как оказалось на всю жизнь! Это был «Остров сокровищ». Потом сразу же пошли книги Джека Лондона, Фенимора Купера, Конан-Дойла и прочих авторов приключенческой классики. Мир сильных, мужественных, таких притягательных героев сразу захватил мое воображение. Я доставал эти книги всякими правдами и неправдами, и к двенадцати-тринадцати годам успел прочитать все, что смог найти у знакомых и в городских библиотеках. И когда новые книги доставать было негде, я начал придумывать приключения сам...»*

И написал «Вирус В-13», продолжил я слова Михаила етровиа. И написал превосходную «Тайну белого пятна». И десятка полтора превосходных фантастических рассказов. И мог еще многое написать, но встретились на пути писатель Евгений Рысс и поэтесса с королевской фамилией.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ: ВРЕМЯ

Из письма Володи Шкаликова (01. 09. 95):

«Вот думаю (в аэропорту хорошо думается): до чего интересно легли пути четырех фантастов русской литературы. Прашкевич трудится на ниве, Колупаев – на поле, Шкаликов – на огороде, а Рубан – витает в облаках.»

ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

1

В рассказе «Чудак человек» («Только обгон», Москва, 1985) Георгий Иосифович Гуревич писал: *«Лет двадцать назад получил я – автор, а не герой – письмо от четырнадцатилетнего читателя из Тайги – есть такая станция в Сибири. Парень обожал фантастику, читал, перечитывал, мечтал сам стать писателем, даже сочинил повесть об Атлантиде, такую мозаику из вычитанного. Сочинил и прислал мне с надписью: «Дарю вам на память свой дебют. Храните его.» – «Ну и нахал», – подумал я и вернул парню рукопись с суровой отповедью: дескать, сначала надо стать личностью, а потом уже посвящения раздавать. И вот двадцать лет спустя на семинаре молодых писателей в Москве подходит ко мне долговязый малый со шкиперской бородкой. И склонившись надо мною, вопрошает, с высоты глядя: «Помните мальчика из Тайги?» Честное слово, я страшно обрадовался своей непрозорливости. Ну да, недооценил, проглядел. Но ведь это так прекрасно, что существуют на свете люди, которые добиваются своего и могут добиться.»*

И в письме от 22 января 1977 года:

«С громадным удовольствием познакомился я с этим долговязым бородатым и клетчатым (костюм) продолжением моего 14-летнего корреспондента. Представляю, как Вам было приятно явиться к недоверчивому Гуревичу и сказать: «Вот видите, я своего добился. Хотел стать писателем и стал.» Но, поверьте, и Гуревичу было не менее приятно. Во-первых, отцам всегда приятно, когда дети побеждают. И вообще сверхприятно, что в этом ноющем жалующемся канючащем мире находятся победители, люди, сумевшие переступить через все препятствия, имеющие право гордо говорить о своих достижениях. Поздравляю!»

2

«Иней на пальмах» – нетающий лед. «Подземная непогода» – вулканы начинают работать на человека. «Рождение шестого океана» – беспроводная передача энергии на расстояние. «Мы – из Солнечной системы» – создание новой науки ратомики. «Месторождение времени» – сомнения в совершенстве человека. «Темпоград» – искусственное ускорение времени. «Карта страны Фантазии» – один из немногих настоящих бедкеров по научной фантастике. Наконец, «Люция будущих открытий» – совершенно необыкновенная книга о том, чего мы можем ждать от науки и чего ждать от нее нет смысла.

Таков писатель Георгий Гуревич.

«Мы привыкли к тому, что писатели вторгаются в круг научных проблем не иначе как при изложении биографий ученых или, в меньшей степени, характеризуя ученых как героев романа, – писал в предисловии к «Люции будущих открытий» доктор философских наук В. А. Чудинов. – Иными словами, мы привыкли к отображению науки в искусстве через взгляды некоторого конкретного субъекта, пусть даже выдуманного писателем. Но имеет ли право литератор судить о глубоких тайнах мироздания от лица собственного авторского Я? Примеры такого подхода все еще крайне редки в мировой культуре. А между тем они обогащают наши представления не только в плане постановки тех или иных научных проблем, но и в плане чисто человеческой заинтересованности и эмоциональности – искусство не привыкло скрывать своих чувств. Или, говоря иначе, искусство не стесняется быть человеческим. Самое интересное в лежащей перед нами книге – автор осмеливается строить

гипотезы. Более того, он пытается построить некоторую систему природы, некоторую универсальную таблицу, охватывающую и природу, и общество, и человеческое мышление – он пытается своими средствами решить философскую проблему единства природы!»

«На рассуждения о науке, на споры со специалистами меня вынудила обстановка в фантастике эпохи «на грани возможного», – объяснял сам Георгий Иосифович в своем «Юбилейном отчете» (1987). – Тогда считалось, что научная фантастика должна быть в первую очередь и в основном – научной. Поэтому все наши произведения давались на рецензию специалисту, желательна со степенью. И избранный кандидат, оправдывая свою научную солидность, требовал для осторожности урезать фантастику, повышать спортивные рекорды не втрое, а на три секунды, не тучи перегонять, а планомерно организовывать снегозадержание, тополь выращивать не за три недели, а на метр в год, на полтора от силы. И не оставалось фантастики. И в результате я, ревностный защитник небывалого, вынужден был прилагать к повести пояснительную записку с цитатами, ссылками, формулами и расчетами, показывающими, почему именно я считаю возможным, несмотря на такие-то и такие-то формулы, соображения и возражения, все же допустить, предположить, что в дальнейшем, по мере развития научно-технической мысли и т. д. Со временем я привык писать эти пояснительные, даже заготовлял их заранее, приступая к новой вещи, потом стал публиковать в виде отдельных статей-гипотез.»

«...Когда обратился к фантастике? В детстве. Почему? Склад ума такой. Дети народ искренний. Их не заставишь залпом глотать скучное. Я был преданным подписчиком «Всемирного следопыта», Беляева читал с упоением порционно – «продолжение следует». Приятели мои увлекались Конан-Дойлом или Фенимором Купером, я предпочитал Жюль Верна. Первую научно-фантастическую повесть написал в восьмом классе. Называлась «Первый гритай». Родители моего героя умирали от зноя в жаркой пустыне, зной повлиял на их гены, и родился у них урод-уродом, большоголовый и лупоглазый. Но потом оказалось, что этот урод – талант, умница, и даже не человек, а представитель нового вида, следующего звена. И до чего он додумался? Решил уничтожить человечество, чтобы освободить землю для себе подобных – гритаев. Пришлось автору его убить. Повесть, конечно, не была напечатана. А теперь вообще думаю, что злость и хитрость – оружие бездарных и слабых, а могучий разум должен быть добрым. Он и себя обеспечит и другим поможет.»

«...В ноябре 1945 демобилизовался, решил стать писателем, – (письмо от 26. VII. 1988). – Первые месяцы после войны у людей были наивные надежды на вольности в печати. Начиналась мирная жизнь. Открывались журналы. Фантастику даже просили. Думаю, сыграла роль атомная бомба. Реальностью оказались фантазии, а фантастики не было. Мой приятель и соавтор (Г. Ясный) организовал свидание с редактором «Огонька» Сурковым. Сурков выслушал в пол-уха, сказал: «Ну, давайте!» – и забыл. Но уже в феврале повесть «Человек-ракета» была готова. В апреле ее приняли в Детгиз, в июле она прошла по радио, в ноябре-декабре была напечатана в «Знание – сила», в июле следующего года вышла отдельной книжкой, в августе, кажется, была одобрительная рецензия Л. Гумилевского в «Литгазете», а в уже декабре – разгромная, в «Культуре и жизни» – «Халтура под маркой фантастики». Дело в том, что повеяли холодные ветры. Дошла очередь и до фантастики.»

Холодные ветры – это постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“, отмененное только через сорок три года. «Советские писатели и все наши идеологические работники поставлены сейчас на передовую линию огня, – заявил тогда главный идеолог страны А.А. Жданов. – В условиях мирного развития не снимаются, а наоборот вырастают задачи идеологического фронта и в первую голову литературы.»

«...В обойму тогда входили Казанцев, Немцов и Охотников, – (письмо от 26. VII. 1988). – Самым процветающим был Немцов. Самым характерным – Вадим Охотников. Профессиональный изобретатель, он и писал о том, как интересно изобретать. Его

«Пути-дороги» – о том, как строили дороги, плавя грунт. Построили и прекрасно! А главный сборник Охотникова – «На грани возможного». Охотников сам полный был такой, больной сердцем, на машине ездил за город, чтобы писать на свежем воздухе. Помню, как рассказывал чистосердечно: «Вызвали нас в Союз Писателей, говорят: „У вас в группоме 350 человек, неужели нет ни одного космополита?“ Ну, мы подумали, что человек вы молодой, инфаркта не будет, к тому же в газетах вас обругали...» Потом он уехал из Москвы в Старый Крым, там и похоронен неподалеку от могилы Грина.»

«...Литературная весна не состоялась, – (письмо от 26. VII. 1988). – В фантастике это выразилось в теории ближнего прицела. Идейная подоплека ее: есть мудрый вождь, который видит дальше всех. Он указал дорогу к Коммунизму. Есть Госплан, серьезное учреждение, все распланировано на пятилетку. При чем же тут кустари-писатели? А они должны воспевать эти стройки, должны воспевать планы советских ученых. Ну, а критики доказывали, что наша задача – улучшить жизнь на Земле, а американцы отвлекают нас от практических задач, маня каким-то космосом. Помню, на одном обсуждении в ЦДЛ взял слово читатель – майор – и сказал: «Я не понимаю. У нас в войсках есть артиллерия ближнего боя, есть и дальнобойная. И в литературе должно быть так.» Критики снисходительно улыбались.»

«...Что я отстаивал, став писателем? – писал Георгий Иосифович. – Тогда я, конечно, не задавал этот вопрос, формулирую сейчас, задним числом. Пожалуй, главная мысль была: ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ВСЕ. Не я, так другой, не сегодня, так завтра, если не так, то иначе, другими путями, новыми, неожиданными, сегодня еще фантастическими, но СМОЖЕТ! Преодолеет любые барьеры, решит любые задачи, сотрет любые «нельзя». В одной статье обо мне написали: «Из числа старых авторов только Георгий Гуревич обрел второе дыхание». Да не второе дыхание, просто дыхание обрел, полной грудью вздохнул. Человечество вышло в космос, человек может ВСЕ, понимаете?»

«Все, что из атомов» – так назывался в черновике мой следующий роман. Тянуло на всеобъемливість упорно. А идея была простая и размашистая. Все на свете состоит из атомов, значит, все и можно составлять из тех же атомов, только нужно расположить их в надлежащем порядке. Только и всего. Научно-фантастическую смелость для тех времен я проявил, а вот сюжетную не сумел. Начал писать по обычной схеме: мы изобрели, враги у нас украли, применяют во зло, изготавливают из атомов не то, что следует. Солдат, к примеру. Я принес первую часть в редакцию, мое сочинение забраковали, и главный редактор Детгиза В.Г. Компанеев сказал с упреком: «Зачем же такое банальное? Напишите лучше роман об обществе будущего.»

«Кто? Я?» – спросил я с некоторой оторопью. Тема представлялась мне чересчур уж масштабной, даже ответственной. – «А кто еще?» – возразил он, не задумываясь. Да и задумываться ему было не о чем. Он же мне не рукопись заказывал, только совет давал. Пиши, если хочешь, если смеешь, если сумеешь. Но я воспринял совет всерьез. Уж если даже главный верит в меня, надо решаться.

Примерно три десятка лет у нас утопий не было вообще. Но вот в 1957 году вышла «Туманность Андромеды». Продолжать? Подражать? Нет, что-то свое нужно было найти в будущем. И я рад был, когда нашел: рост! Дело в том, что Ефремов рисовал мир совершенный, идеально благоустроенный с его точки зрения, у него нет причин для роста. В «Туманности Андромеды» даже четко сказано об ограничениях: ограничено население, нет излишних потребностей, излишеств в пище и т. д. В науке все нужное решено, в хозяйстве все необходимое отмерено, героизм проявляется лишь при охране от выпадов природы, нет обязательности в движении вперед. А я написал о растущем мире с растущими сроками жизни.

Дальше последовала обычная процедура. Детгиз роман забраковал, счел непригодной для детей, неуважительной по отношению к старикам проблему ликвидации старости. Только потом был опубликован один кусок, другой, между прочим и «Функция Шорина» – эпизод из того романа. И в конце концов роман вышел целиком в другом издательстве и под другим названием: «Мы – из Солнечной системы». В эпилоге герои собираются лететь в гости к звездожителям, думают, что им придется рассказывать там о своей жизни на Земле – третьей планете Солнечной системы. Как водится в фантастике, тема для следующей книги прячется в эпилоге. Герои летят в чужой мир. Что они там расскажут уже описано. Но что они спросят там? А поскольку написан-то роман был, как вы помните, о росте, естественно спросить... продолжают ли расти звездожители или решили остановиться, даже вынуждены были остановиться? Сначала я хотел следующий роман писать, как продолжение предыдущего, но так не получилось. Герои вылетали из XXIII века в некое звездное послеподушее. В результате писателю и читателю пришлось бы все время путаться с будущим и послеподушим, постоянно помнить, которое чудо для нас чудо, а для героев не чудо, а которое должно потрясать и нас, и героев, уроженцев XXIII века. В результате отказался я от прямого продолжения, предпочел начинать от печки, отправлять на этот раз к звездам другого героя – из XX века. И написал самостоятельный роман – «Приглашение в зенит», он же «В зените». Это роман тоже о росте. А точнее о споре: расти или не расти?»

«...На встречах с читателями меня нередко спрашивают: какую я пишу фантастику – космическую, земную, биологическую, техническую, психологическую? Но это вопрос неправильно поставленный, некорректный, как говорится в науке. Фантастика, как и всякая литература, работает на потребителя, не на производителя. У производителя умение, ограниченное специальным образованием, у потребителя – нужды или мечты. Никак нужды и мечты не укладываются в рамки одной профессии. Потребителю все равно, которая наука обеспечит его жизненные задачи. Лишь бы обеспечила. Ему НУЖНО, и баста. В результате ваши читательские требования и мои писательские темы вторгаются в любые науки: космические, земные, технику, физику, биологию. Голова моя требует порядка, я не могу читать о путешествиях без карты, мне обязательно нужно знать, где именно, в какой точке происходят события. Знаю: не каждому читателю нужны параметры. Достаточно факта. Вот дерево за окном. Это липа. И какая же она пышная, какая раскидистая, сколько оттенков в ее щедрой зелени, сколько веток и листьев! И как же быстро они распустились: неделю назад одни голые почки торчали. Значит, в мае писался этот абзац, в первых числах, заметили? И ведь в самом деле любопытно: за неделю – огромнейшая крона, этакий напор жизни! А вот в ствол никакого напора, с прошлого года вырос на два-три сантиметра. Почему такая разница? И почему такая разница между деревом и животным? Вообще-то понятно: растение спешит использовать каждый теплый день, а человек может расти и зимой. Стало быть в принципе организм способен к стремительному росту. Человек бы вырос за неделю, такое облегчение родителям. Невозможно? Почему? По какой причине?»

Вот причины интересуют меня прежде всего.

Главное: причины превращения. Стабильного я не люблю, ищу изменений. Так увлекательно следить за превращениями. Был, например, журчащий ручеек, стал Волгой. Был несмышленыш, лежал в колыбели, лепетал невразумительное, сделался взрослым человеком. Был милым младенцем, стал подлец подлецом. А другой – гением. Почему? От генов гений? А подлец – тоже от генов?»

Аркадий Натанович Стругацкий всегда дивился дотошности научных выкладок Георгия Иосифовича. «Гиша, – сказал он как-то, – ну, зачем вы тратите такие усилия на все эти научные рассуждения? Все равно они спорны и вызывают излишние возражения. Пусть

герои сразу садятся на нужный аппарат и начинают действовать.» Но потому Георгий Иосифович и оставался собой, что не позволял героям просто сесть на аппарат и сразу действовать. В доме в Чистом переулке у него всегда царила некая особая атмосфера. Немаловажно было и то, что в холодильнике в коридоре всегда стояла начатая бутылка водки.

Для Прашкевича, для частого гостя.

Для нерадивого, но любящего ученика.

АБРАМ РУВИМОВИЧ

1

14 февраля 1993 года я навел на фантаста А.Р. Палея в Москве на зеленой Полтавской улице (за стадионом «Динамо»).

Через несколько дней Абраму Рувимовичу стукнуло сто лет.

Он плохо слышал, маленький аккуратный костяной старичок в большом кресле, правда, без жестяной слуховой трубы Циолковского, как можно было ожидать. Его распырало любопытство. Он спрашивал: а как это радиоволны проходят сквозь стены? Или вспоминал стихотворение. Или ругал молодых. Приходят, говорил, представляются издателями, берут под честное слово старую редкую книгу и исчезают. По неведомой ассоциации даже вспоминал сотрудницу журнала «Революция и культура». В тридцатые годы эта милая женщина принимала у него стихи, никогда их не печатала и чертовски жаловалась на жизнь. Будучи человеком весьма небогатым, Палей сотрудницу жалел. Да и как не жалеть? Сырая комнатенка... Одиночество... Безденежье... Даже личную пишущую машинку невозможно продать, профсоюз запрещает... Фамилия сотрудницы – Алилуева – ни о чем не говорила Абраму Рувимовичу, пока ее портрет не появился в газетах...

Аделина Адалис? – переспрашивал. А как же, знал, знал! Любимым словом указанной советской поэтессы было – вредитель... Астроном Леверье? Еще бы! Это по просьбе Леверье безымянный прежде цветок назвали гортензией, – так звали его любимую, она потом наставила ему рога... Книги? Без книг нельзя. Фантасты, говорящие о конце книги, не правы – книга переживет века, войдет в далекое будущее. Вы покупаете книги или предпочитаете работать в библиотеках? А письма храните? Делаете специальные выписки? Я, например, похвастался Абрам Рувимович, в молодости составлял картотеку для самого Венгерова!

Впрочем, все это были подступы.

Главный вопрос он задал неожиданно, как бы поймав меня на паузе.

Вот каким все же образом летают самолеты? Как они держатся в воздухе? Почему паровоз не может летать? Он даже вдруг встопорщил белесые бровки: сколько, говорите часов летит самолет в Москву из Новосибирска? Четыре?... Странно-странно...

Абрам Рувимович задумался.

Что-то его мучило. Что-то очень важное бушевало в пучинах души.

Смирив себя, рассказал, как знаменитый советский поэт-песенник стащил несколько строк из его стихотворения, опубликованного еще в дореволюционном ежемесячнике «Свободный журнал». У Палея: *«Город замер в сонной дымке, гаснет зарево зари, и на ножке-невидимке блещут бусы-фонари...»* У Лебедева-Кумача: *«Вечер реет в белой дымке в ярком зареве зари, и на ножке-невидимке блещут бусы-фонари...»* После скандала Лебедев-Кумач переписал указанное четверостишие: *«День уходит, и прохлада освежает и бодрит, отдохнувши от парада, город праздничный гудит...»*

С огромным удовольствием Абрам Рувимович показал книжку своих стихов «Бубен дня», изданную в Екатеринославе в 1922 году, а потом корректуру книги стихов, которая вот-вот должна была выйти в Хабаровске. Тираж – 150 экземпляров. «Но для книги стихов большего тиража и не надо. Первое стихотворение я написал в семь лет, – похвастался он, – а последнее на днях.»

Что чувствует человек, проживший на свете 100 лет?

Только ли бремя огромных потерь, фантастически бесконечных потерь, потерю всех людей, с которыми был близок?

Не знаю. Абрам Рувимович не вызывал такого впечатления.

Когда я уходил он весь приподнялся в кресле. Он сиял. Он светился изнутри. Его интересовало только будущее. Может, сто лет он прожил ради этого вопроса. «Сколько, вы говорите, летят самолеты в Москву из Новосибирска? Четыре часа?» Он замечательно выдержал паузу и выдохнул с восторгом истинного провидца: «Попомните, молодой человек! Когда-нибудь они будут летать быстрее!»

2

«...За антилысенковский роман «Остров Таусена» меня лаяли во всех органах прессы, включая «Литературу в школе» и «Естествознание в школе», – писал мне Абрам Рувимович в августе 1988 года. – Результатом было надолго отлучение меня от печати и от всех способов заработка. Берия меня тоже не обошел вниманием, но, к счастью, поздно вспомнил обо мне: взяли 13 февраля 1953 года, а выпустили 31 декабря того же года.

Какие обвинения мне предъявили при вожде?

Сначала, что я хотел убить его и Маленкова.

Это, конечно, не удалось хоть как-нибудь доказать.

Потом – в клевете. И что я не соглашался с докладом Жданова о литературе. Воображаю, как смеялись над этим пунктом в Верховном суде! Все же дали мне 10 лет с последующей высылкой, и вполне мог бы их реализовать, если бы в начале марта не произошло важнейшее событие (смерть Сталина), после чего меня реабилитировали, правда, только к Новому году.»

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Не метод, конечно.

Мы немало спорили об этом с Борей Штерном.

Он даже целую книжку написал о соцреализме, называлась «Лишь бы не было войны». Не метод, не метод, пришли мы с ним к мнению. Скорее, образ жизни, образ мышления. Как писал Трофим Денисович Лысенко: все в природе связано и взаимосвязано. Когда человек что-то долго твердит вслух, он и поступать начинает соответственно.

Один мой добрый старший товарищ (назовем его Саша), с юности был вхож в самые высокие кабинеты. Такая карма. Как-то сидел с генсеком советского комсомола, курил американскую сигарету, пил колумбийский кофе, прихлебывал из рюмочки французский коньяк и философствовал о вреде низкопоклонства перед всем иностранным. Вдруг вошла секретарша. Из солнечного Узбекистана, радостно сообщила она, прибыл Хаким, комсомолец-ударник, определенный на трехмесячную учебу в Москву. Есть мнение: Хакима обустроить, чтобы он вернулся в солнечный Узбекистан с горячим приветом от столичного комсомола.

«Пусть войдет. Минут через десять», – кивнул генсек.

И пояснил другу Саше: «Из всех республик едут. Всех устроить надо. В Москве лучше, чем на уборке хлопка или на постройке канала. Но кадры готовить надо.»

Когда Хаким вошел, наконец, генсек работал.

То есть, перед ним лежали бумаги, а в хрустальной пепельнице дымила отложенная сигарета. Увидев такое, Хаким упал духом: вот он как не вовремя! Вот он как мешает генсеку думать о делах советского комсомола, отнимает у генсека драгоценное время! Как же найти правильный подход? Как повести беседу, чтобы Москва не оказалась городом на одну неделю?

Минут через пять генсек поднял усталые глаза.

Саша прекрасно знал, что сказать генсеку нечего, что вся эта встреча – пустая формальность. Хакима вполне мог определить в Москве любой второстепенный секретарь, но как раз в тот год сверху было спущено указание: всех комсомольцев-ударников из солнечных республик, приезжающих в Москву на срок более месяца, пропускать только через генсека. Вот теперь и роилось в серых умных глазах генсека величественное бессмыслие. «Но в Москве тебе придется много работать, товарищ Хаким, – произнес он, как бы продолжая некую мысль. – Мы, комсомольцы, должны служить примером. В труде и в быту, – добавил, подумав. – Вот будешь некоторое время работать в Москве, отдаешь себе отчет, как много тебе придется работать?»

Услышав сочетание «некоторое время», Хаким запаниковал.

Почему «некоторое»? Почему не три месяца? К тому же, по восточной привычке он не воспринял прямого смысла произнесенных слов, а потому судорожно искал смысла внутреннего, затаенного, некоей партийной эзотерии. Он с ума сходил от желания немедленно угодить генсеку, немедленно вписаться в строй его мудрых мыслей. Он судорожно искал выигрышный ход. «Мы в солнечном Узбекистане много работаем, – сообщил он как можно более скромно. – У нас в Узбекистане славный солнечный комсомол, но мало опыта. Хочу много работать!»

Некоторое время генсек с сомнением рассматривал Хакима – круглое среднеазиатское лицо, черные глаза, по самый верх полные веры в великолепные коммунистические идеалы. Видно, сам дьявол столкнул генсека в тот день с тысячу раз пройденного, тысячу раз опробованного пути. Вдруг ни с того, ни с сего, сам себе дивясь, он спросил: «Это хорошо,

Хаким, что ты готов работать много...» Обычно после таких слов следовало распоряжение обустроить товарища из братской республики, но я же говорю, в тот день сам дьявол дернул генсека за язык: «А над чем сейчас, Хаким, ты работаешь?»

Хаким сломался.

Он ждал, чего угодно, только не такого вопроса в лоб.

Он держал в голове всю фальшивую статистику солнечного комсомола, цитаты классиков, всякие интересные яркие факты из жизни веселого солнечного комсомола, но услышать – *работаешь!*

Ничего себе!

Какая такая работа?

Но горячее комсомольское сердце подсказывало Хакиму – ответ необходим. От правильного ответа зависела судьба. Ведь если он, товарищ Хаким, ответит неправильно, его незамедлительно вернут в солнечный Узбекистан на уборку хлопка. И все такое прочее.

Хаким судорожно искал спасения.

Слово *работаешь* его убило. Почему-то он вспомнил, что в гостиничном номере, куда его временно определили, валяется на столе забытая предыдущим комсомольцем книга Пришвина – кажется, собрание сочинений, том второй, что-то там про зайчиков, про солнечные блики, про апрельскую капель, ничего антисоветского, запрещенного, наоборот все легкое, ясное. Жизнь человеку дается один раз, мысленно перекрестился Хаким, и выпалил: «А сейчас работаю над вторым томом сочинений товарища Пришвина!»

Теперь сломался генсек.

Он ожидал чего угодно.

Он ожидал фальшивой статистики солнечного узбекского комсомола, оптимистического вранья, ссылок на классика, действительно ожидал чего угодно, но – Пришвин!

У генсека нехорошо дрогнуло сердце.

Полгода назад место зава в большом комсомольском хозяйстве столицы занимал у генсека именно некий Пришвин. И он, генсек, сам изгнал этого некого Пришвина – за плохие организационные способности. А теперь выясняется, что Пришвин вовсе не утонул, он даже сделал карьеру, он издал уже второй том сочинений, а комсомольские ребята все проморгали? Что же это там у Пришвина вошло во второй том? – не без ревности подумал генсек. Наверное, речевки, тексты, выступления на активах?

Но нет крепостей, которых бы не взяли большевики.

Генсек заученно поднял на Хакима еще более усталый взгляд,дохнул на него ароматным дымом хорошей американской сигареты и, как бы не заинтересовано, как бы это просто так, к слову, как бы давно находясь в курсе событий, заметил: «Ну да, второй том... Это хорошо, что ты много работаешь, Хаким... Это хорошо, что ты сейчас работаешь именно над вторым томом Пришвина... – Генсек бормотал интуитивно, он шел вброд, пытаясь проникнуть в пугающую тайну бывшего зама. – У тебя верный комсомольский взгляд на вещи, Хаким... Но ведь у товарища Пришвина... – нащупывал он верный путь. – Но ведь у товарища Пришвина плохие организационные способности...»

Правда была высказана.

Хаким покрылся испариной.

В смуглой голове Хакима отчетливо перегорела последняя пробка, но спасительную тропу под ногами он ощутил, нащупал. Он решил лучше погибнуть в кабинете генсека, но не отступить от цели, сдаться. Наверное, не зря в гостинице оказался том товарища Пришвина, догадался он. Подбросили. Проверяли бдительность. Мало ли, что там зайчики, апрельская капель. Это ведь как посмотреть. За апрельской капелью может скрываться страшное что-то, ледяное, дышащее полярными лагерными просторами. Я теперь много буду работать над

классовыми произведениями товарища Пришвина, решил он. Я теперь учту все замечания товарища генсека.

И выдохнул вслух: «Да! Организационные способности у товарища Пришвина плохие, но природу пишет хорошо!»

Теперь у генсека сгорели пробки.

«Ты прав, Хаким, прав. Природу товарищ Пришвин пишет хорошо, но организационные способности плохие...»

«Очень, очень плохие! – восторженно соглашался Хаким. – Но природу пишет хорошо...»

Вот это и есть пример настоящего соцреализма.

БОРИС ГЕДАЛЬЕВИЧ

1

Вот мы и пытались понять: где живем? В какой стране? Каким законам подчиняется литература? Подчиняется ли она каким-то законам?

Боря Штерн, кстати, насчитал тридцать три больных вопроса, мучивших наших современников. Он даже выстроил эти вопросы в определенном порядке.

Кто прав?

Кто виноват?

Доколе?

Чего тебе надо?

Камо грядеши?

Что делать?

Что ж это делается, граждане?

Кто там?

Ой, а кто к нам пришел?

За что боролись?

Как дальше жить?

Веруешь?

Куда прешь с кувшинным рылом в калашный ряд?

Третьим будешь?

Что с нами происходит?

Кто крайний?

А ты записался добровольцем?

Ты за кого?

Откуда есть пошла всеруська земля?

Куда ж нам плыть?

Стой, кто идет?

А не еврей ли вы?

Зачем пришел я в этот мир?

За что?

А ты кто такой?

Кому это выгодно?

Почем пуд соли?

Куда все подевалось?

Кому на Руси жить хорошо?

Кто написал «Тихий Дон»?

Кто сочиняет анекдоты?

Как нам обустроить Россию?

Хорошие вечные вопросы, всегда приводившие взыскующих к питию.

Ко времени нашей встречи с Борей (1976 год) у каждого был, конечно, свой опыт.

Бормотуху, которую я пил на Сахалине, американцы позже скупали оптом и в ржавых бочках сбрасывали на джунгли противоборствующего Вьетнама – как противозачаточное. Водка, которую я глотал на Курилах, называлась «туча», она отдавала нефтью. Северную «Настойку брусничную» по последствиям можно было сравнить только с эпидемией клещевого энцефалита. Эта настойка продавалась в закатанных трехлитровых банках. В набор

входили – указанная банка, литровая оловянная кружка и две инструкции – для летнего и зимнего пользования. Если дело происходило летом, ты шел с банкой и кружкой к ручью и опускал босые ноги в холодную воду. После этого ты должен был взять сразу всю полную кружку. Если это не получалось, если ты выпивал треть, даже две трети – тебя мог рубануть кондрат, тебе грозили страшные неприятности со здоровьем. Но если ты брал всю кружку – гуляй хоть месяц!

Специально для Бори, привыкшего к южным вариантам (горилка, перцовка, бормотуха, гаденький молдавский портвешок) я выписал из трудов великого исследователя Камчатки С.П. Крашенинникова такой фрагмент:

«Травяное вино по Стеллерову примечанию следующие имеет свойства: 1) что оно весьма пронизательно, и великую в себе имеет кислоту, следовательно и здоровью вредительно, ибо кровь от него садится и чернеет; 2) что люди с него быстро упиваются, и в пьянстве бывают бесчувственны и лицом сини; 3) что ежели кто выпьет его хотя несколько чарок, то во всю ночь от диковинных фантазий беспокоится, а на другой день так тоскует, как бы зделав какое злодеяние.»

Ничего со времен С. П. Крашенинникова не изменилось.

Такое вино, в основном, и пили. И действовало оно, как в XVIII веке.

Осенью 1989 года, например, когда эйфория многим застилала мозги, на литературном семинаре в Дубултах у меня в номере собралось несколько молодых писателей. «Брат! – кричал, обнимая подвыпившего латыша Иманта Ластовски, изрядно поддатый молдаванин Йон Мэнэскуртэ. – Выпьем за нас с тобой! Только за нас с тобой! Ведь наши великие страны когда-то граничили!» Я благожелательно вторгся в разговор: «Ну да, великие страны... Но вот насчет границ... Есть ведь Белоруссия, Украина...» – «Вам, русским, этого не понять», – гордо отрезал молдаванин.

Боря предпочитал молчать.

Он выпивал стаканчик и падал на диван.

После короткого сна выпивал еще стаканчик и снова падал.

Говорить с ним было бессмысленно, его надо было читать. Он рано догадался, что правда русского писателя чаще всего заключается в «туче», в бормотухе, в плохом коньяке, но он так же рано догадался, что эта правда заключается не в заморской экзотике, которой так часто грешила и грешит наша фантастика, а в нищих Домах Культуры имени Отдыха, в названных выше тридцати трех пресловутых вопросах, в тонком тумане, покрывающем картофельные поля, ну и все такое прочее. Социалистический реализм доставал Бориса Штерна не пресловутым конфликтом хорошего с очень хорошим, а полной безбудущностью.

А как жить без будущего?

2

«...В одесском издательстве „Маяк“, – писал Боря в январе 1978 года, – три месяца ходила моя рукопись с рассказами. Несколько дней назад пришел ответ. Вот несколько выписок из: «...Занимательный по сюжету рассказ „Сумасшедший король“ – об искусственном разуме. Но многие места в повествовании воспринимаются словно написанные наспех, с художественной стороны не разработаны.» – «...Штерну часто не хватает надлежащего художественного чутья. В рассказе „Дом“ идут картины ужасно плохого поведения жильцов. От рассказа в целом остается довлеющее неприятное впечатление.» – «...Так же нетребователен автор к форме воплощения своих неплохих замыслов в других рассказах, изобилующих вульгарными сценами, выражениями. Подобные выражения встречаются в рукописи Штерна частенько. Они конечно не могут восполнить недостаток образности письма. В некоторых рассказах автор почему-то старается сделать фантастические и

сказочные концовки, хотя они не вытекают из характера повествования.» – «...В связи с недостаточно высоким идейно-художественным уровнем большинства произведений не представляется возможным ставить вопрос об их издании». Вот такие, Гена, дела. Ожидал, конечно, что ничего в издательстве не выйдет, но чтобы такие глупые рецензии... Сижу и потихоньку переживаю... Перекурю пару дней и начну новый рассказ...»

«Мартович! – это уже в майском письме 1981 года. – Ну, слава Богу, я в Одессе. Ночь. Только что вернулся с Пролетарского бульвара, был у родной дочки на дне рождения. Сижу в очередной квартире, которую мне любезно предоставили друзья (Дерибасовская совсем рядом, через три квартала), передо мной бутылка «Шампанского», она открыта, бокал выпит, продолжаю ее уничтожать и начинаю письмо тебе. Страсть, как хочется почесать язык с тобой. Я сейчас пьян, но в той хорошей мере, когда... Нет, не «когда», а в той мере, которую дает хорошее вино, а не эта сволочная водка. Буду излагать в художественном беспорядке свои ощущения и приключения, начиная с 16 мая сего года (Борис прилетал в Новосибирск на мой день рождения, – Г.П.), хочу написать тебе письмо; письмо, черт побери!

1. Самое главное: хотя я и проиграл тебе в шахматы, хотя и признаю поражение, но счет не окончен. Дело в том, что мы играли на диване (а неписанные правила требуют играть за столом); твои часы, несомненно, барахлили – не в мою пользу; гипноз с твоей стороны был несомненный; меня нарочно отвлекали Григорий, Лидя, Академгородок, твоя борода и вообще. Сейчас читаю Ласкера, Крогиуса и Симагина. Готовься.

2. Побывал в июле в Сургуте. Милый сибирский город, не в пример Нижневартовску. Видел впервые настоящую сибирскую зону – оставляет впечатление! – вышки, заборы, проволока витками, железнодорожные пути, расконвоированные зеки, автоматические ворота (двойные), охранная часть, хоздвор, масштабы... Красиво!.. Как я это все рассмотрел? А мой знакомый, к которому мы ездили, живет на шестом этаже рядом с зоной, из его окна все видно, как на ладони.

3. Возвращался из Нижневартовска на перекладных – нашего постоянного самолета на этот раз не было, и пришлось лететь просто в Европу, куда бог пошлет. Сначала он послал в Уфу, где пришлось с удовольствием просидеть более суток. И Уфу посмотрел, и ресторан изучил. И улетел в Киев. В Киеве был совсем недолго и помчался в Одессу к дочке на день рождения.

5. Все же я крепко потрясен тем, что ты потащил мои рукописи в издательство. Думал, что меня уже ничем не проймешь, но... задрожал, когда почувствовал, что появился шанс. **ТОРЖЕСТВЕННО ОБЕЩАЮ** (ультиматум самому себе): если книга будет поставлена в план, брошу к чертовой матери все свои финансово-художественно-хозяйственно-семейные дела, привяжу себя морскими узлами к письменному столу, обрею полголовы, ножницы выброшу в окно (закупаю на два года продовольствия, ключ отдам одной даме, которая будет меня раз в неделю проводывать – тсс... тайна!..) и допишу Алешу Поповича.

7. Шутки в сторону. Я знаю, вернее, чувствую свою литературную слабость – гоняю по верхам. В то же время чувствую в себе силы нырнуть поглубже. Знаю, что излишне увлекаюсь расстановкой слов.

8. Вообще нервный. От меня током бьет.

10. Гена, я прочитал все твое, что у меня было не читано за два года. Мартович, ты живой, умный, веселый, грустный писатель. Литераторы очень одиноки. Я теряю друзей из-за этой проклятой литературы. Мои близкие (и далекие) в принципе не понимают, чем я занимаюсь. Ты прекрасно понимаешь, в чем тут дело. Например: Левитан поссорился с Чеховым из-за того, что Чехов написал «Стрекозу». Не понимают друг друга даже писа-

тели: например: Толстой с Тургеневым чуть не застрелили друг друга. Но ты поймешь. Слова надо расставлять так, чтобы они пахли, цвели, звучали, играли.

11. Я Славке Рыбакову не давал жить из-за этих слов. Феликс (Суркис, – Г.П.) вроде обиделся, когда я начал трактовать форму и содержание. Виталию Бабенко я что-то тоже такое написал. Борису Стругацкому почему зря – я ботинка его не стою – что-то излагал – и он явно рассердился.

12. Шампанское допил. Жаль не хватило.

13. Неожиданность – вот что должно быть в литературе, в шахматах, в футболе, в жизни. Тогда интересно. В любви.

14. Слово «неожиданность» можно интересно расчленишь: нео – жид... нео – реализм...

15. Все-таки шампанского нет. Спать!»

«27 августа 1981. Одесса.

Гена, дорогой! Вот, все. Теперь можешь вполне официально именовать меня сибиряком, работающим в Тюменской области, в Нижневартовске, в тресте «Нижневартовскнефтегаз», в РСУ-I (ремонтно-строительное управление), бригадиром художественно-оформительской бригады в составе двух человек. Правда, сейчас, как видишь, я нахожусь за своим письменным столом в Одессе и стучу письмо на своей машинке. Объясняю: такая у нас работа – учить самолеты летать. Это РСУ ремонтирует Нижневартовские детские сады (а их там уже 30 штук и строится еще 20), и мы вполне официально (не подумай, что это быстротечная договорная халтура) приняты на работу для художественного оформления этих детских садов; это одна половина дела; вторая половина – это наш режим работы. Бригады этого РСУ (и мы также) работают по так называемому «вахтовому-экспедиционному методу»: работаем полный месяц в две смены, получаем двойную северную зарплату и за казенный кошт улетаем домой отдыхать. Месяц отдыхаем, возвращаемся в Нижневартовск, опять вкалываем и т. д. Не буду расписывать тебе все удовольствия от такого режима работы. Сам пофантазируй. Скажу только, что сколько себя помню на работе, столько мечтал избавиться от ежедневной тяготы хождения и сидения с 8 до 17, а работать именно так: сделал – отдыхай. В общем, действительность превзошла мои ожидания – те, с которыми я ехал в Нижневартовск. На меня сваливается сейчас шесть свободных месяцев в году! Могу писать, это не шутка. Причем зарплата генеральская, в среднем просматриваются 500 р. в месяц (месяц рабочий ли, месяц ли отдыха – все равно). Долго ли протянется эта лафа? Тьфу-тьфу-тьфу – согласен лет на шесть вперед, на два сибирских срока. Впечатлений и приключений масса, с людьми навидался и наговорился, на самолетах налетался (о, господи, где меня с марта не носило – и все по официальным сибирским делам – был в Ужгороде, Минске, Киеве, Таллине, Уфе, Куйбышеве – в последних двух, правда, пролетом). Обязательно побываю в Свердловске и у тебя. И Свердловск, и Новосибирск обязательно маячат при нелетных погодках на подступах к Нижневартовску...»

«26. 06. 1982. Киев.

...Только что брат принес твое письмо.

Ты поразительно верно подметил и точно высказал: «Ты иногда вызываешь впечатление неуверенного в себе человека, это мгновенно вызывает хищную реакцию у окружающих тебя людей.» Абсолютная правда! В отношениях с людьми я очень мнителен и деликатен, эта деликатность переходит часто разумные границы и воспринимается как слабость. У Бабеля: «Мы молчим на площадях, и кричим за письменным столом». Так, кажется. Я всегда готов уступить людям в мелочах, мои знакомые к этому привыкают, думают, что я

такой и есть – когда же доходит до настоящих дел и серьезных принципов, они (мои друзья и знакомые) вдруг с удивлением обнаруживают, что перед ними рычащий зверь, идущий до конца и не идущий ни на какие уступки. В детстве я, тихий, культурный еврейский ребенок, услышав, например, слово «жид», не раздумывая, хватал кирпич или что под руку подворачивалось, и стремился угодить прямо в голову, не соблюдая никакой уличной субординации к шантрапе – а в пятидесятых годах, ты же знаешь, мы все росли на улице; мое поколение самое последнее, которое знает вкус коммунальных квартир, футбола, уличных драк, разведения голубей и т. д. И знаешь, после нескольких таких выходов все пацаны в нашем районе меня поняли и зауважали. Поняли, что я в серьезном деле не подведу. Да, очень жаль, что во мне нет внешней твердости, это очень мешает в жизни.»

«12. 09. 1982.

...Прочитал три рассказа Колупаева «Газетный киоск», «Билет в детство» и «Девочка». Самый лучший «Билет в детство». Он жизненный, умный, ласковый, грустный, чистый. Он запомнится, этот рассказ. В жанре «чувствительной» фантастики он очень хорош. Он сдержан, в нем чистое чувство. А вот в «Газетном киоске» и в «Девочке» мне показалось, что много соплей, излишней мелодрамы. В «Девочке» это ощущение из-за того, что рассказ чересчур затянут – там много можно зачеркивать и отжимать, а «Газетный киоск»... Скажу сейчас удивительную вещь в отношении фантастического рассказа. Но... так в жизни не бывает и быть не может! Точнее: так не могло бы быть. Посылка в рассказе отличная: в некоем киоске каждый день появляются завтрашние газеты. На этом строится лирическая история. Нормально. Но почему главного героя и героиню этот невероятный факт очень мало интересует? Газеты, ну и газеты, они не очень удивлены. Так не бывает. Нормальный человек в крайнем случае хотя бы обалдел, а деятельный человек попытался, наверное, выяснить, откуда эти газеты взялись. То есть, рассказ, по-моему, нелогично построен. Главному герою, наверно, совсем не надо делать доклады в научном обществе, а надо было бы бегать по городу и выяснять откуда берутся газеты. Конечно, никакой Уэллс не объяснил бы появление завтрашних газет (впрочем, почему бы и нет?), но они должны быть в рассказе стержнем сюжета, а этого нет.»

«15. 09. 82.

...Писатель сразу виден по тексту. Сразу. Пусть он будет самым последним из чукчей. Пусть правильно или неправильно расставляет слова, пусть его вкус подводит – главное, чтобы текст был живой. А с живым человеком всегда можно поговорить и договориться. А если не договориться по причине крайней отдаленности вкусов и характеров, то хоть разойтись, уважая друг друга.

Теперь шутка: если даже писатели подерутся, в этом тоже своя прелесть.

Толстой и Тургенев – жаль, что дело не дошло до дуэли; единственный, кажется, был бы пример в истории, как стрелялись два больших писателя. Ах, как жаль! Вот где пришлось бы потомкам разбираться! А что Пушкин и Дантес, или Лермонтов с Мартыновым, тут и разбираться не надо, кто прав, кто виноват. Пушкин с Лермонтовым правы. И весь ответ. Потому что они были писателями; а Дантес и Мартынов всего лишь членами СП (стихи кропали, наверное). Вот!»

«13. 01. 1983.

...«Кубатиев-Штерн» – сборник НФ... Почему бы и нет?... (Будущий сборник – «Снежный август», – Г.П.) Об Алане... М-да... С ним говорить невозможно. Он забивает своим фонтаном. Причем говорит очень интересно и красиво – но потом читаешь его рассказы и диву даешься, насколько его правильные теории далеки от его же собственной

практики. Те три или четыре вещи, что я прочел – *любительские*. Копировальные, без лица. Таких много. Странно... Аланова личность должна как-то выразиться в писательстве, а я не увидел... М-да... Кажется, он упивается разговорами, а писателю надо бы наоборот. Не знаю... Скажу тебе, как объективный реалист – если сборник «Кубатиев-Штерн» состоится, то... Это будет разная весовая категория... Если у меня будут «Дом», «Производственный рассказ № 1», «Король», то что будет у Алана? Как воспримется такой сборник? Сам Алан как воспримет такой сборник? Гена, это объективная реальность. В сборнике из двадцати авторов один может быть лучше, хуже, талантливей, гениальней – тут все ясно. А когда двое? М-да. В сборнике на двоих-троих присутствует оттенок (даже цвет) соревновательности. Мне будет тоскливо смотреть на Алана, а ему на меня. Гена, ты же понимаешь, что я не задираю нос, а смотрю объективно. Алан – любитель, пишет много и не ведает, что пишет. Я – профи, писать давно надоело, каждое слово выгрызаю зубами. Силы не равные.»

«4. 07. 83.

...Достал «Мир приключений-83». Сейчас прочитаю Аланов рассказ «Ветер и смерть» и чего-нибудь выскажу.

Начал читать. Алан, оказывается, пишется через одно «л»...Многоточие – это значит «я читаю»... Борис Стругацкий любит говорить: «Опять какие-то иностранцы»... «Он медленно выплывал из темных вод сна»...В первой главе подробные описания всего, что попало на глаза, много необязательного... Японца будут перевоспитывать... Идут разговоры о том, о сем... Разговоры об войне для среднего школьного возраста...Вторая глава чрезвычайно затянута фразами: «колени тряслись, в горле першило, ладони мокрые и холодные»...Эпиграфы из японской литературы очень хороши, но литературно и умственно они сильнее основного текста – значит, лучше без эпиграфов...Живой корабль...«Помогая онемевшему от пережитого Акире высвободиться из амортизатора»...«Шагал на ватных ногах по коридору»...«Сквозь гул в ушах просачивались обрывки фраз»...«Прямым следствием этого шага стало усвоение обильной информации»...«Еще одним неожиданным эффектом оказалось яростное сопротивление подсознания»...«Активно отторгал любую информацию»...«Дальнейшая психическая акклиматизация»...Ага, он не перевоспитался.

Прочитал...

Гена, самым лучшим «японским» рассказом в русской литературе я считаю куприновского «Штабс-капитана Рыбникова». Потому что он не об японцах, а об нас. «Штабс-капитан» – рассказ высшего класса, плотная смесь детектива, бытописательства и психпрозы. Рассказ Алана – не дальше пятого класса средней школы. Что я могу поделаться? Это так. Его НФ вещи обычны. Вторичны, об иностранцах, о проблемах – он может быть спокоен, его будут печатать, у него будут книги, он будет писателем. Испортил он мне настроение, с утра, с утра было веселее.»

«1 апреля 1983.

...Пока меня не было, объявился мой Первый Читатель. Скубент из Саратова, любитель фантастики. Прислал письмо в «ХиЖ» («Химия и жизнь», – Г.П.), мол, передайте писателю-фантасту Штерну. Он читал все мною опубликованное – даже «Дом» в «Дебюте» (а это не Саратов) – прислал свои восторги. Гм... Всегда говорил, что существуют на свете придурки, которым я все же нужен! Да, это было приятно.»

«26. 04. 83.

Мартович! Вспомнил твою историю с милицейскими чинами – ты рассказывал ее в мае – как тебя и еще кого-то чуть не загребли в участок; но тебе помогли ангелы-храни-

тели. А нам не помогли. Меня и Сашу Оганесяна – загребли! Позавчера. Взяли мы с ним две бутылки вина и отправились на природу в лесок почесать языки. Не успели даже половину выпить, тут нас и повязали. В принципе, всегда можно с этими фараонами договориться, но разговор как-то по-глупому повернулся. На вопрос «где работаю», я по привычке ответил, что в Нижневартовске; да сдуру у меня оказался паспорт. А в нем видно, что я одесит, недавно прописался в Киеве, да плюс к тому мое утверждение, что работаю в Сибири. В общем, товарищ старший сержант, сопляк, едри его мать, решил, что он взял в лесу если не рецидивиста, то личность крайне подозрительную. И тут уже ничего нельзя было доказать. Посадили в воронок и повезли. И начали составлять протокол. Мне, в принципе, начхать, потому что еще нигде не работаю; а Оганесяну ой как нехорошо. Потому что он уважаемый инженер на киевском заводе «Коммунист». В общем, пришлось принимать срочные меры, отводить начальника в сторонку, шелестеть купюрами, говорить: «Возьми штраф, квитанции не надо и порви протокол.» Возымело! Но когда мы очутились на слободе, то: принципиально купили те же две бутылки, вернулись в тот же лесок и на зло кондуктору их распили. Чип (киевский поэт, – Г.П.) на следующий день страшно хохотал; причем напугал меня – позвонил и, изменив голос, сказал: «Вам звонят из милиции по поводу вчерашнего задержания.» Ну, все на пользу.»

«Лето 1984.

...Решил собирать-коллекционировать все, что касается русских богатырей. Хорошую репродукцию Васнецова пока не могу найти, зато купил коробку папирос Львовской фабрики. Папирсы «Богатыри». Описать словами не могу то, что на папирсах изображено. Три кретина едут на трех... собаках, что ли. (Этот рисунок не на коробке, а на самой папирсе). Нет, описать невозможно.»

«30. 07. 84. Киев.

...Бумаги нет, экономлю. На сл. неделе обещают украсть для меня на писчебумажной фабрике 10 кг. бумаги – это, наверное, много.»

«Лето 1985.

Мартович! «Снежный август» уже приносит плоды. (Книга, наконец, вышла в Новосибирске, – Г.П.) Хороший украинский критик Михаил Слабошпицкий (и во всех смыслах отличный человек) взял книгу, взял меня и потащил в издательство «Молодь» и стал качать права – размахивал книгой перед главным редактором и не давал мне рта раскрыть. Разнес к чертовой матери Дмитруков, Тесленков и Головачевых, объявив, что на Украине есть два писателя-фантаста: Светлана Ягупова и Б. Штерн, и что он, Михаил Слабошпицкий не потерпит и т. д. Ужас! Требуется поставить меня в план на 1987 г. В общем, сейчас что-то будут решать.

Гена, я довольный.

Да, конечно, это не совсем то, что мы хотели, но это хорошо. Шесть рассказов, и в них «Горыныч». Это не Книга, но это мощный довесок к той книге, которая будет в «Молоди» – и тогда никто ничего не поймет, если я буду говорить, что у меня две книги. Короче, еще одна книга – и можно попробовать в СП. А с билетом уже другие ощущения. С билетом уже возникает право сидеть и писать.»

«Осень 1986.

...Как проходил семинар (в Дубултах, – Г.П.)

Знаешь, эти игры уже не для меня. Наверно, я уже вышел и из возраста, и из этого начального круга. В общем, семинар был не лучше и не хуже других. Подавляющее большин-

ство – не писатели. И не будут. Безднадежно. Из всего семинарского народа за эти четыре семинара (а это почти 100 человек), по-моему, имеют шансы – если будут расти, и если будет везти, вот кто: Бабенко, Геворкян, Веллер, Лукины, ну я, грешный, и Андрей Лазарчук. Обрати внимание на Лазарчука – он совсем новенький, 28 лет, только что появился – твой, сибирский, из Красноярска. Это, кажется, прирожденный писатель. Приятный порядочный человек – и это не молодогвардейский типаж в духе его земляка Корабельникова. Далее: еще несколько имен под вопросом – Покровский, Силецкий, Рыбаков, Витман-Логинов, Коралис (он из Ленинграда).

Елки-палки! Только что позвонил из Москвы Володя Баканов – сообщает, что «Производственный рассказ № 1» хотят взять в «Литературной России»! Надо прислать фотографию и биографию.

Обалдеть можно!

Наверно, я кого-то упустил. Клугер из Симферополя, говорят, хорош. Но факт, что из 100 человек еле-еле наберется десяток. Но это всегда так – 90 % всего на свете – дерьмо!

Владимир Михайлов мне очень понравился.

Во-первых, он мудрый мужик, во-вторых, очень неплохой писатель, в третьих – у него жена секс-бома. Он вел семинар, вместо Войскунского. Евгений Львович решил, что хватит. Вторую группу вел Биленкин. А Дима – писатель все-таки слабый. Слабак он, Генка. Чучело. Шкипер с трубкой.

Пили совсем мало. Потому что в Юрмале был сухой закон, и за этим делом приходилось ездить аж в Ригу. А лень, в общем, то-се.

В Москве был 4 дня, у Виталия (Бабенко, – **Г.П.**) спал. Либкин очень хвалил твоего «Кота на дереве». Он хочет тебя иметь в журнале, но у них с весны сплошные беды, их бьют, Черненко уволили с партийным выговором, и они боятся. Меня выбросили из сентябрьского номера («Голую девку»), три месяца выходили без фантастики, в № 12 опубликовали Булычева (за него им ничего не будет), в № 1 дадут переводного американца, № 2 выйдет опять без (съезд), в № 3 хотели опять засунуть «Голую девку» (март, женский день), но опять испугались и опять выбросили. Обещают теперь на лето.»

«7. 09. 87.

...Прочитал «Историю» и «Поворот», перечитал «Огород».

Мне нравятся твои сибирские мужики и по «Курильским повестям», и сейчас, и по «Краббену». Это все об жизни и об людях, то бишь то, чем занимаются хорошие нормальные писатели, а не «фантасты». Знаешь, я перестал любить фантастику. Я не могу ее читать. И не знаю, о чем говорить с этими НФ-сумасшедшими – как НФ-писателями, так и НФ-читателями. Они ни хрена не понимают ни в слове, ни в людях. Ни в жизни, ни в играх – это фанаты чего-то там такого. А у тебя литература, у тебя проза. В «Повороте к Раю» ты здорово использовал, порассуждал и вообще ввел по делу «организованные элементы» (какабения). Я в художественной литературе еще с ОЭ не встречался, а сам держал на задворках памяти – нет, не сюжет, а тему – об ОЭ (у меня есть фолиант «Происхождение жизни» Руттена, а мне тема ОЭ близка, интересна, и давно охота запустить в какой-то свой рассказ свои знания – нет, чувства по ОЭ).»

«Лето 1988.

...Гена, дорогой!

Альманах вы пробил на отличных условиях – 6 раз в году по 20 листов. По существу это получается ежемесячный журнал по 10 листов. Больше, чем «Химия и жизнь». Гонорар нормальный. Тираж, конечно, небольшой. Дальше Новосибирска не пойдет (хотя фанаты всегда достанут). Все это здорово, кроме нескольких фамилий в редколлегии. Возьми альма-

нах в свои руки и плюй на всех полуграфоманов и дилетантов как с той стороны (рыбины-фалеевы), так и с этой (дымовы-балабухи). И не печатай стругачевских сценариев, потому что шефов я очень люблю, но они, кажется, собрались сделаться приложением к «Лен-фильму». И не позволяй Булычеву халтурить и публиковать в альманахе повести, написанные за неделю в гостинице левой ногой. И не устраивайте, конечно, «географический» альманах, сибирский. Конечно, приоритет сибирякам, но все достойное по Союзу должно быть у тебя. И не подпускать эту клубную шантрапу с ихними клубно-любительскими делами и меморандумами... А Ковальчуку, как любителю НФ, разрешить делать на задние обложки информационные сообщения (краткие): вот, мол, «исполнилось 90 лет со дня рождения неизвестного и не представляющего интереса новозеландского писателя-фантаста Рейли Дейли. Краткое содержание его никому не известных сочинений...»

«7 июня 92. Киев.

...Ну, живем дальше.

Лето началось, КПСС нет, советской власти нет, СССР нет – хрен знает что!»

«18. 01. 1993. Киев.

...Я был в Москве – знакомился с собственным зятем. Дочка в Израиле вышла замуж, а Володя прилетел в командировку в Москву. Попили с ним водки пару дней, а потом я отправился в «Ренессанс» (издательство, – Г.П.) Впечатление: очень хреновое. Все у них стоит, что-то они таскают наши наборы из Минска в Н. Новгород, взгляды отводят, поговорить толком некогда. Попросил авансу – мол, дайте на следующий весь год – тысяч 60–70 – деньги небольшие – чтобы я к вам не пристававал весь год – они согласились, что деньги небольшие, но, вишь ли, в данный очень неудобный момент, в кассе ничего нету, а вот вчера было, а сегодня нету, и что они могут выдать всего лишь 10 тыс. Тогда я развел руками и сказал, что это ниже всякого мизера, и тогда они посоветовались и решили выплатить 15 тысяч – а вот если я приеду в 20-х числах января, то деньги у них будут. (НЕ ВЕРЮ.) Ушел с 15-ью тысячами в кармане. Зашел в «Текст». Не за авансом – а так, посмотреть на них. Всех застал, потолковали. Бедные они, бедные: бумага, налоги и т. д. С книжкой моей в «Тексте» решили окончательно – не делать. Им мешает договор с «Ренессансом». Бутылку принес, выпили и побежал я на поезд.

Вот еще новость – и опять какая-то зависшая, нереальная – приехали в декабре в Киев два представителя из «Северо-Запада» (из Питера) – Белов и Миловидов (из фэнов, занятых издательской деятельностью). Разыскали меня. Предложили книгу в «Северо-Западе» (4 тыс. за лист, 30 авт. листов), надо 25 декабря приехать в Питер, привезти рукопись, подписать договор, получить все деньги. Мои договоры с другими издательствами их не интересуют. Я согласился. Опять же, много пили. Они уже издали Снегова, подписали договор с Михайловым. Спросил, не собираются ли выходить на тебя? Ответили, что знают и уважают Прашкевича, и что в их планах связаться с тобой, и координаты есть. Так. Уехали. Я стал готовить рукопись (и прицеливаться на поездку). Но звонок: приезжай не 25-го, а 10 января. Не успели деньги подготовить. Прицеливаюсь на 10-у января – опять звонок: извини, неувязка, переносим на февраль. Такое вот. (НЕ ВЕРЮ.)

Живу неизвестно как, Гена. Неохота жаловаться. Надо что-то придумывать – гоно-рары смешные, и все равно их нет. А есть всякие предложения с редактурой глупой американской НФ – придется этим заняться – значит, мое писательство опять будет стоять. Жаль. На душе гнусно. Пачка «Примы» в Киеве стоит 200 купонов (это рублей 120). Компьютер мой испортился, никак его не исправят. Зима гнусная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.